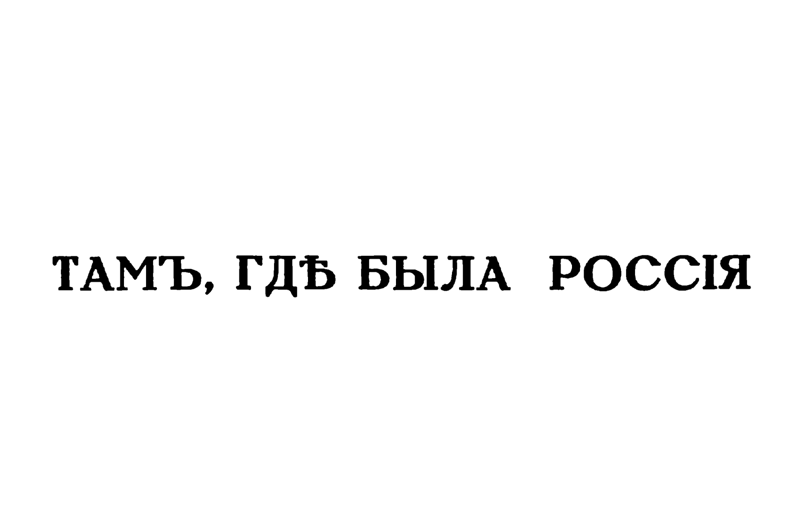
АНДРЕЙ СѢДЫХЪ

Тамъ, гдѣ была Россія

Из-во Я. Поволоцкаго, 13, Rue Bonaparte
ПАРИЖЪ MCMXXX

ТАМЪ, ГДѢ БЫЛА РОССІЯ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

«ПАРИЖЪ НОЧЬЮ».

«СТАРЫЙ ПАРИЖЪ».

«МОНМАРТРЪ».

«ТАМЪ, ГДѢ ЖИЛИ КОРОЛИ».

АНДРЕЙ СѢДЫХЪ

Тамъ, гдѣ была Россія

Из-во Я. Поволоцкаго, 13, Rue Bonaparte
ПАРИЖЪ MCMXXX

Настоящая книга набрана и отпечатана для издательства Я. Поволоцкаго типографіей Société Nouvelle d'Editions Franco-Slaves въ количествѣ одной тысячи экземпляровъ въ апрѣлѣ тысяча девятьсотъ тридцатаго года.

НА БОРТУ «ВИРГИНИИ»

Термометръ показывалъ 34° по Реомюру. На деревьяхъ желтѣла и выгорала листва, земля покрывалась трещинами, люди въ городахъ не спали, — они жаждали влаги, сѣвернаго вѣтра, холодныхъ ночей. Ничего этого не было, столбикъ серебряной ртути неумолимо ползъ вверхъ. Въ эти августовскіе дни нельзя было думать о раскаленныхъ вагонахъ европейскихъ экспрессовъ. Оставался одинъ выходъ — ѣхать моремъ, изъ Гавра.

Молодой человѣкъ, служащій «Трансатлантической компаніи», знаетъ всѣ языки міра, умѣетъ разбираться въ желѣзнодорожныхъ справочникахъ и помнитъ наперечетъ всѣ суда, уходящія изъ всѣхъ европейскихъ стоянокъ. Къ моимъ услугамъ была «Виргинія» — 12.000 тоннъ, отличная французская кухня. Молодой человѣкъ долго выписывалъ билетъ, похожій на дипломатическій паспортъ, грустно прохрустѣлъ новенькими бумажками и на прощанье по-

совѣтовалъ быть на борту за два часа до отплытія.

Эти два часа продолжались ровно десять: «Виргинія» грузилась, надо было ждать вечера.

Стюардъ разложилъ вещи, предупредительно открылъ иллюминаторъ и посовѣтовалъ пойти погулять:

— Мсье можетъ посмотрѣть «Илль де Франсъ».

«Илль де Франсъ» пришелъ наканунѣ изъ Нью-Іорка. Былъ сильный штормъ, маневрировать было трудно. Входя во внутреннюю гавань, гигантъ ударился носовой частью о волнорѣзъ и получилъ пробоину въ десять метровъ.

На пристани толпились грузчики, моряки, судовая прислуга. Всѣ спорили о томъ, сколько времени будетъ продолжаться починка, будетъ ли пропущенъ ближайшій рейсъ и сколько милліоновъ потеряетъ на этомъ компанія. Называли разныя цифры, но стоявшій тутъ же метръ д'отель сказалъ, что компанія не потеряетъ ничего, все заплатитъ страховое общество, а вотъ онъ, метръ д'отель, потеряетъ добрую сотню долларовъ, — все, что приноситъ ему обычный нью-іоркскій рейсъ.

Во внутренней бухтѣ стояла другая толпа. Здѣсь былъ пришвартованъ «Файръ Крестъ», крошечная яхта, на которой Аллэнъ Жербо совершилъ свое кругосвѣтное путешествіе. Жербо возился у руля, на немъ былъ простой матросскій костюмъ изъ грубаго полотна; наканунѣ, на борту французскаго крейсера, онъ получилъ изъ рукъ адмирала крестъ Почетнаго Легіона.

По шаткимъ сходнямъ я спустился къ нему на

палубу. Жербо поздоровался и сказалъ, что не даетъ интервью съ того дня, какъ одинъ американскій журналистъ предложилъ ему 2.000 долларовъ за небольшую бесѣду. Но онъ охотно показалъ мнѣ свою яхту, небольшую каюту съ инструментами и полочкой книгъ, скромное хозяйство моряка, гдѣ нѣтъ ни одной лишней вещи, и гдѣ каждый предметъ имѣетъ свое точное назначеніе.

— «Файръ-Крестъ» доживаетъ свои послѣдніе дни, — сказалъ Жербо. — Я хочу заказать новую яхту, еще меньшихъ размѣровъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы быть совсѣмъ одинокимъ.

Кто-то постучалъ въ дверь каюты. Вошелъ старый матросъ, сторожащій теперь яхту. Онъ принесъ груду поздравительныхъ телеграммъ.

— Пишутъ и пишутъ, — ворчалъ старикъ, — денегъ имъ не жалко...

Жербо разсмѣялся...

Въ порту было жарко, въ воздухѣ стояли облака угольной пыли. Въ полдень работа замерла, лебедки перестали гремѣть, толпы грузчиковъ разошлись по гостепріимнымъ барамъ. Здѣсь играла музыка, за нѣсколько франковъ можно было выпить бутылку вина и вздремнуть часокъ на кожаномъ продавленномъ диванѣ. Потомъ снова началась работа, грузчики побѣжали по сходнямъ, согнувшись подъ тяжестью мѣшковъ съ хлѣбомъ, въ огромные кора-

бельные трюмы стали спускать ящики, на которыхъ было выведено: Каракасъ... Монтевидео... Сайгонъ. Эти названія далекихъ портовъ, новыхъ странъ и городовъ волновали, наполняли душу тревожнымъ ядомъ — жаждой путешествій. О плаваніяхъ говорили и товары, выставленные въ окнахъ магазиновъ. Здѣсь торговали бѣлыми колоніальными шлемами, матросскими сундучками, компасами, морскими инструментами, якорями, канатами, фонарями съ чечевичными стеклами, — всѣмъ, что можетъ понадобиться моряку въ дальнемъ его плаваніи.

Въ маленькомъ барѣ, куда я зашелъ, было шумно и весело. Матросы пропивали здѣсь свою мѣсячную получку, съ ними были женщины; онѣ хотѣли танцовать, но моряки пили и горланили пѣсни. Между столиками ходилъ «сиди», съ желтымъ лицомъ, изъѣденнымъ оспой, предлагалъ коврики, подтяжки, кошельки, часы и порнографическія открытки. Матросы разсматривали открытки, а потомъ отгоняли «сиди» прочь, и онъ отходилъ — не возражая; онъ зналъ, что все зависитъ отъ случая, и что если матросы перепьются, — они, можетъ быть, купятъ у него, не торгуясь, весь его несложный товаръ, — тогда онъ будетъ богатъ цѣлую недѣлю...

На закатѣ «Виргинія» вышла въ море.

Пятидневное плаваніе. Море, солнце, чайки. Пассажиры перваго класса лежатъ въ шезлонгахъ, закутавшись въ пледы. Ихъ немного, — нѣсколько по-

ляковъ, возвращающихся въ Варшаву, чиновникъ литовскаго консульства въ Парижѣ, и какой-то загадочный господинъ неопредѣленной національности, не сказавшій за всю дорогу ни одного слова.

Больше оживленія въ третьемъ классѣ. Здѣсь ѣдетъ группа русскихъ евреевъ, высланныхъ изъ Кубы. Евреи возвращаются въ Ригу. Привезъ ихъ на пароходъ жандармъ и сдалъ на руки капитану, вмѣстѣ съ ихъ невѣроятными узлами, сундуками и корзинами.

Эмигранты сидятъ на носу и грѣются на солнцѣ. Пробыли они въ дорогѣ нѣсколько недѣль, измучились, щеки ихъ впали, обросли жесткой щетиной. Ночью они тяжко вздыхали и разсказывали чужому человѣку исторію своихъ странствованій.

— Мы бѣдные люди, господинъ, а бѣднымъ людямъ вездѣ плохо. Въ землѣ имъ хорошо, этимъ людямъ. Мы жили въ Николаевѣ, работали, имѣли свой кусокъ хлѣба, и дѣти ходили въ школу. Но пришли большевики. Что вы знаете про большевиковъ? Что вы знаете? Они разорили насъ, обрекли на голодную смерть. Развѣ имъ нужны сапожники или портные? Чекисты имъ нужны...

Мы бѣжали въ Ригу, но тамъ жить было трудно. На нашу голову, мы узнали, что можно устроиться въ Кубѣ. Родственники изъ Америки прислали на поѣздку деньги, агентъ устроилъ паспорта, и мы поѣхали. Моремъ ѣхали 17 дней. Прибыли. Оказывается, съ 1-го мая Куба для иммигрантовъ закрыта. Продержали насъ 10 дней взаперти, а потомъ отправили

обратно. И теперь везутъ въ Ригу... Вотъ уже второй мѣсяцъ везутъ...

Близко отъ насъ прошелъ пароходъ, сіяя огнями иллюминаторовъ. Заревѣла труба.

Еврей помолчалъ, глядя въ морскую даль, и потомъ сказалъ:

— Поживемъ въ Ригѣ, и, Богъ дастъ, весной поѣдемъ въ Колумбію. Я отъ шурина письмо получилъ. Пишетъ, что въ Колумбіи можно устроиться. Будетъ кусокъ хлѣба. Дай Богъ, дай Богъ...

***

Въ третьемъ классѣ ѣдетъ еще группа «возвращенцевъ». Они прожили въ Нью-Іоркѣ 8-10 лѣтъ, получили американскія бумаги, и теперь собираются навѣстить родныхъ въ Россіи. Все это молодые люди, не имѣющіе о совѣтской Россіи ни малѣйшаго представленія.

Первые дни они сторонились журналиста, но затѣмъ любопытство взяло верхъ. Стали подходить, понемногу разспрашивать.

— Какъ вы думаете, заставятъ насъ платить въ таможнѣ за костюмы и лишнюю обувь?

— А много у васъ костюмовъ?

— У каждаго по 4. У меня еще два пальто и смокингъ. 3 пары туфель. Ну, и бѣлье....

— Вы что дѣлали въ Нью-Іоркѣ?

— Въ парикмахерской служилъ. Думаю устроиться въ Москвѣ. Свое всегда заработаю. Надоѣло, знаете, жить въ Америкѣ.

— А сколько вы въ Нью-Іоркѣ зарабатывали?

— 40 долларовъ въ недѣлю. Проживалъ 20...

Другіе возвращенцы работали у Форда; поразила меня ихъ необыкновенная неосвѣдомленность о томъ, какъ живутъ въ Россіи. Всѣ они убѣждены, что ихъ примутъ съ распростертыми объятіями, сейчасъ же устроятъ на работу по спеціальности, и что жить въ Москвѣ будетъ такъ же легко и пріятно, какъ въ Нью-Іоркѣ. Разсказъ объ очередяхъ, карточкахъ и лишеніяхъ, которыя испытываютъ живущіе въ Россіи, встрѣченъ былъ недовѣрчиво:

— Это все мы слышали... Въ газетахъ пишутъ. Но не можетъ этого быть. Надо своими глазами увидѣть, убѣдиться...

Убѣдятся.

На горизонтѣ все время дымки пароходовъ. Полный штиль. Пассажиры отдыхаютъ послѣ завтрака. Хорошенькая пани Врублевская флиртуетъ съ двумя инженерами, кормитъ хлѣбомъ обжорливыхъ чаекъ и вообще вноситъ оживленіе въ нашу монотонную пароходную жизнь. На третій день подходимъ къ Кильскому каналу. Застопорили у шлюзовъ. На бортъ поднимается нѣмецкій лоцманъ и нѣсколько торговцевъ. Они предлагаютъ безопасныя бритвы, зажигалки и дрянной шоколадъ. Пассажиры рады этому развлеченію и покупаютъ. На берегу тѣмъ временемъ собирается группа любопытныхъ, — впереди всѣхъ мальчуганъ въ картузѣ съ кокардой: серпъ и молотъ. Спрашиваю у него:

— Что это за значекъ?

Внушительно отвѣчаетъ:

— Я — красный фронтовикъ...

А всего-то «красному фронтовику» лѣтъ 10-12.

Всю ночь идемъ каналомъ. Тепло, небо въ звѣздахъ. Съ верхней палубы доносится придушенный шопотъ:

— Пани естъ ладна...

Обиженный голосокъ пани отвѣчаетъ:

— Прошу заставить мнѣ въ спокою!

Наверху, въ каютѣ «радиста», свѣтъ. Тамъ вспыхиваютъ голубыя молніи, раздается короткій трескъ включаемаго мотора, аппаратъ выстукиваетъ точки и черточки. «Радистъ» съ наушниками напряженно слушаетъ, — онъ принимаетъ телеграмму, шумы далекаго города мѣшаютъ ему, но черточки вытягиваются въ длинную линію, — онъ понялъ и отвѣчаетъ: на борту все спокойно.

Въ полночь иду въ каюту. На верхней палубѣ шопотъ продолжается:

— Яка пенкна ноцъ....

— Прошу пана мнѣ не нудить...

На этотъ разъ голосъ, какъ будто, ласковѣй.

При выходѣ изъ Кильскаго канала встрѣчаемъ пароходъ, идущій подъ краснымъ флагомъ. На носу выведено: «Ковда — Ленинградъ». Вся палуба заставлена бочками — должно быть, везутъ соленую рыбу.

Возвращенцы заволновались, бросились къ борту:

— Здравствуйте, товарищи!

— А вы русскіе? Куда ѣдете?

— Въ Россію!

Разминулись. Но когда корма «Ковды» поравнялась съ носомъ «Виргиніи» — французскіе матросы радостно загоготали. На кормѣ стояли три женщины въ мужскихъ костюмахъ, — если только такъ можно назвать отрепья, въ которыя онѣ были выряжены. Экипажъ? Совѣтскіе туристы, ѣдущіе поглядѣть Европу и себя показать?..

Въ 5 часовъ утра на палубѣ топотъ ногъ, смѣхъ, крики. Оказывается, въ третьемъ классѣ наводненіе. Съ вечера кто-то забылъ закрыть водопроводный кранъ. Вода текла всю ночь. Утромъ вахтенный поднялъ тревогу: въ каютахъ вода на 30 сантиметровъ, всѣ вещи подмочены, плаваютъ туфли, небольшіе чемоданы. Воду выкачали, а вещи пришлось разложить для сушки на палубѣ.

На четвертый день на горизонтѣ показывается земля. Поляки взволнованы: предстоитъ высадка въ польскомъ порту Гдыня, расположенномъ всего въ нѣсколькихъ километрахъ отъ вольнаго города Данцига. Пять лѣтъ тому назадъ на этомъ плоскомъ берегу была лишь небольшая рыбачья деревушка. Теперь поляки рѣшили задушить Данцигъ, и со сказочной быстротой выстроили большой портъ и образцовый городъ. Это сосѣдство пока еще не особенно сказывается: въ данцигскомъ порту все еще лѣсъ мачтъ и трубъ, а въ Гдынѣ всего 2-3 парохода. Но на будущее время опасность есть.

Съ отъѣздомъ поляковъ, за которыми пришелъ катеръ, палуба «Виргиніи» опустѣла.

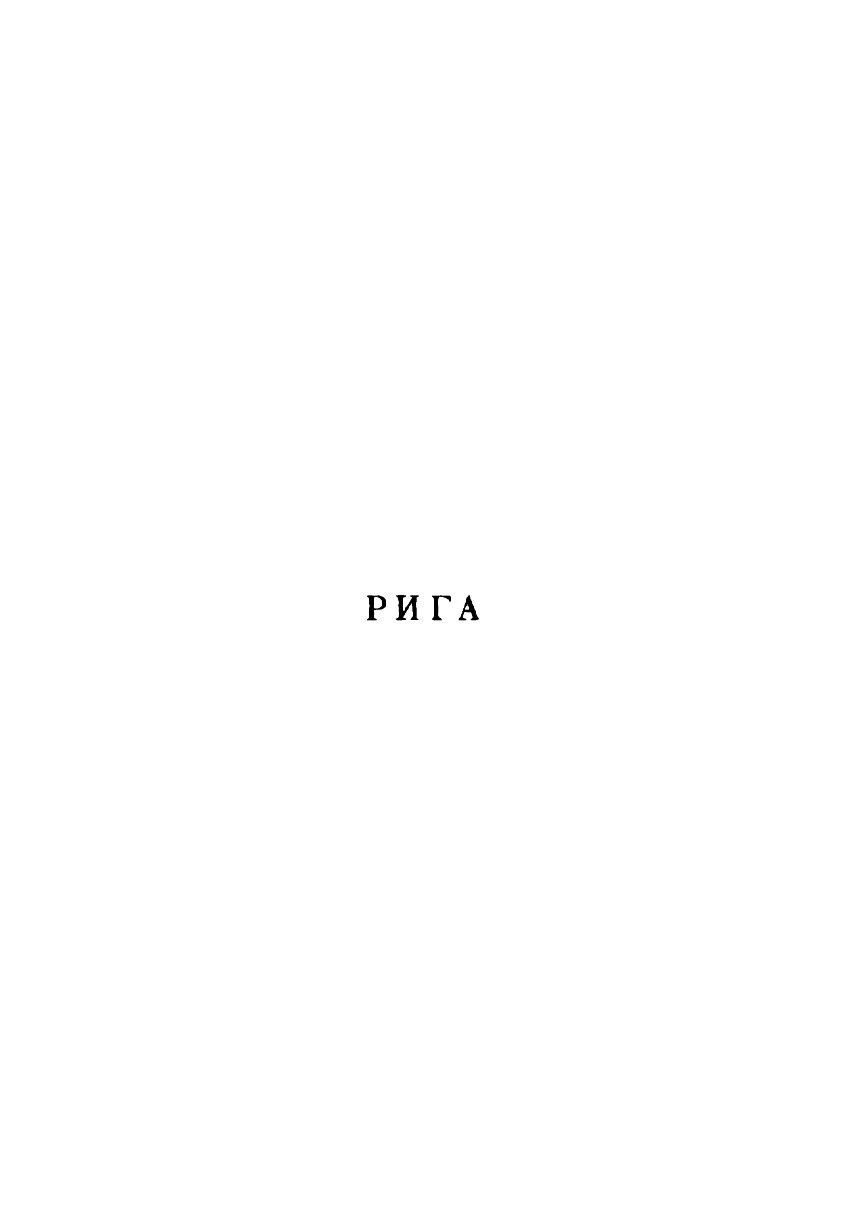

Въ двадцати миляхъ отъ Риги поднялся густой, молочный туманъ. Море побѣлѣло; свѣтило тусклое солнце. Въ десяти метрахъ ничего не было видно. Протяжно выла пароходная сирена; другіе пароходы шли въ туманѣ, они перекликались другъ съ другомъ; «радистъ» больше не снималъ наушниковъ, онъ все время принималъ по радіо направленіе...

Въ Ригу пришли подъ вечеръ. На пристани толпа ободранцевъ и латгальскихъ мужиковъ ждала, когда пароходъ пришвартуется; они должны были грузить лѣсъ. Мужики были русскіе, въ смазныхъ сапогахъ, въ картузахъ. Они толкали другъ друга и сочно, матерно ругались. Бабы въ платочкахъ метелочками подметали разсыпанную на мостовой пшеницу, собирали ее въ торбы, для птицы. Усатый полицейскій велъ за руку босоногаго мальчишку; мальчишка всхлипывалъ и молилъ:

— Дяденька, отпусти!.. Накажи меня Богъ, не буду.... Отпусти, дяденька!...

Здѣсь была Россія.

РИГА

I

Старый извозчикъ придержалъ возжи, опытнымъ взглядомъ оцѣнилъ сѣдока, и сказалъ:

— На Мельничную? Это можно... 80 копѣекъ, баринъ.

— Дорого! 60 дамъ.

— Да нѣтъ, баринъ, меньше 80-ти нѣтъ расчету. Прибавьте что-нибудь!

Сторговались. Фаэтонъ былъ ободранный, довоеннаго времени, лошаденка полудохлая, и, какъ ни стегалъ ее безжалостный «фурманъ» — такъ въ Ригѣ называютъ извозчиковъ, — всю дорогу она плелась шагомъ, не обращая на хозяина ни малѣйшаго вниманія.

Я ѣхалъ по главнымъ улицамъ Риги — десять лѣтъ тому назадъ бывшей русскимъ губернскимъ городомъ, а теперь ставшей столицей Латвіи. Улицы въ образцовомъ порядкѣ, чисты, на углахъ эффектные полицейскіе — «картибнѣки» — въ бѣлыхъ перчаткахъ, театральными жестами регулируютъ движеніе. Городъ наряденъ, тонетъ въ зелени; пріятно бы-

ло видѣть вывѣски не только на латышскомъ, но и на русскомъ языкѣ.

Когда проѣзжали мимо монументальнаго православнаго собора, зазвонили къ вечернѣ. Старушка въ платочкѣ, торопившаяся куда-то, остановилась посреди площади и истово перекрестилась на купола... И этотъ спокойный вечерній звонъ и эта богомольная старушка разомъ напомнили о Россіи; Рига теперь латышскій городъ, это чувствуется на каждомъ шагу, но русскаго здѣсь осталось безконечно много, и, къ чести латвійскаго правительства, надо сказать, что этотъ русскій духъ не особенно стараются искоренить.

Русскій языкъ въ Латвіи пользуется такими же правами гражданства, какъ и латышскій и нѣмецкій. Съ телефонной барышней вы говорите по-русски, полицейскій объяснитъ вамъ дорогу на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, въ министерствахъ вамъ обязаны отвѣчать и по-русски; любой извозчикъ знаетъ, что «Дзирнава іела» есть не что иное, какъ старая Мельничная улица.

Русская рѣчь слышится на каждомъ шагу. Первые два-три дня пріѣзжій оглядывается на говорящихъ, а потомъ привыкаетъ. Гораздо труднѣе привыкнуть къ тому, что у всѣхъ въ рукахъ русская газета «Сегодня». [1]) Изъ утреннихъ газетъ она наиболѣе распространенная, покупаютъ ее не только русскіе,

---

[1]) Пользуюсь случаемъ, для того чтобы выразить мою искреннюю признательность сотрудникамъ газеты и ея редактору М. С. Мильруду за содѣйствіе, оказанное мнѣ во время поѣздки по Латвіи и Эстоніи.

но и нѣмцы, и латыши. Въ вагонѣ, идущемъ со Взморья, у всѣхъ въ рукахъ «Сегодня»; въ часъ дня, вечернее изданіе этой газеты буквально покрываетъ весь тридцативерстный пляжъ...

На улицахъ то и дѣло попадаются чисто русскіе типы — люди въ косовороткахъ, въ картузахъ. Каждое утро вокзалъ выбрасываетъ на рижскую мостовую латгальцевъ, пріѣзжающихъ въ городъ по дѣламъ или въ поискахъ работы. Здѣсь увидите вы бабьи платочки, косынки, смазные сапоги, всклоко-ченныя бороды, услышите чистѣйшую русскую рѣчь.

А за каналомъ начинается Московскій Форштадтъ.

Тутъ вы чувствуете себя совсѣмъ въ Россіи. Мостовыя вымощены крупнымъ булыжникомъ, пролетка безжалостно подпрыгиваетъ, васъ бросаетъ изъ стороны въ сторону. По обѣимъ сторонамъ Большой Московской лѣпятся одноэтажные деревянные домики съ флигелями, съ крылечками и александровскими колонками. Деревянныя ставни откинуты на крючки, на окнахъ бѣлоснѣжныя занавѣсочки, герань, безчисленные горшки съ цвѣтами и клѣтки съ канарейками. Въ этихъ домахъ живетъ мелкое рижское купечество, бывшіе чиновники, вдовы, сдающія комнаты въ наемъ, «съ утреннимъ самоваромъ»; комнаты здѣсь огромныя, въ три-четыре окна, тщательно выбѣлены, уставлены кадками съ фикусами, столика-

ми съ семейными альбомами въ плюшевыхъ переплетахъ... Въ подворотняхъ дѣвушки лущатъ сѣмечки, у колоніальной лавки Парамонова какой-то паренекъ перебираетъ трехрядную гармонь, и въ тактъ себѣ подстукиваетъ подковками... Колоніальная лавка набита товаромъ. У дверей выставлены бочки съ малосольными огурцами, съ копченымъ угремъ, рижской селедкой. А за прилавкомъ вы найдете лососину, которой гордится Рига, кильки, шпроты, водку, баранки, пряники... У дверей стоитъ бородатый мужчина въ рубахѣ на-выпускъ и серебряной цѣпью черезъ животъ — должно быть, самъ хозяинъ, господинъ Парамоновъ. Время къ вечеру, — не сходить ли попариться въ баньку? Банька здѣсь же, въ двухъ шагахъ, и не одна, а нѣсколько. Въ банькѣ дадутъ гостю настоящую мочалку, кусокъ марсельскаго мыла и вѣничекъ, а по желанію поставятъ піявки или банки. А послѣ баньки можно зайти въ трактиръ — въ «Якорь» или «Волгу», — закусить свѣжимъ огурчикомъ, выпить чаю съ малиновымъ вареньемъ... Такъ живутъ на Московскомъ Форштадтѣ русскіе люди — отлично живутъ, не жалуются.

На Большой Московской можно встрѣтить замѣчательнаго человѣка — о. Николая Шалфеева, разгуливающаго по городу, къ великому смущенію стариковъ, въ штатскомъ платьѣ. Другому священнику этого не простили бы, но о. Николаю разрѣшается; всѣ любятъ его и всѣ знаютъ, что дѣлаетъ

это онъ не по недостатку вѣры, а просто по нежеланію обращать на себя на улицѣ особое вниманіе. Впрочемъ, нѣкоторые объясняютъ это свободомысліемъ: развѣ о. Николай не ходитъ въ театры?

Бесѣдовать съ о. Шалфеевымъ необычайно пріятно. Онъ разскажетъ о постройкѣ новаго храма, о старообрядцахъ, которыхъ не мало на Московскомъ Форштадтѣ, о нравахъ этихъ людей и о старинныхъ старообрядческихъ молельняхъ. А тѣмъ временемъ хозяйка дома соорудитъ закуску, угоститъ гостя ледяной окрошкой, огурчиками собственной солки, какой-то особенной водкой, настоенной на травахъ... Потомъ на столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью, появится кипящій, посвистывающій, захлебывающійся самоварчикъ, варенье смородинное, малиновое, коржики собственнаго изготовленія, сдобныя булочки. Торопиться некуда, прихлебывайте чай, бесѣдуйте съ радушными хозяевами, и изо всѣхъ угловъ просторной квартиры будутъ на васъ смотрѣть самовары — большіе, малые, мѣдные, никкелированные, — на всѣ случаи жизни...

Разъ заговорили о старообрядцахъ, то слѣдуетъ разсказать и о посѣщеніи Гребенщиковской Общины, помѣщающей на Московскомъ Форштадтѣ. Отправился я туда съ сыномъ о. Николая, знатокомъ рижской старины и гласнымъ думы, Б. Н. Шалфеевымъ.

У воротъ встрѣтилъ насъ староста и экономъ —

почтенные старики: длинныя бороды, сюртуки, картузы...

Входимъ въ молельню. Вся стѣна въ старинныхъ иконахъ. Потемнѣвшіе лики святыхъ строго глядятъ изъ тяжелыхъ серебряныхъ ризъ. Старообрядцы гордятся своими иконами:

— Подобныхъ по всей Россіи теперь не найти. Рублевской школы. И мастеровъ такихъ нѣтъ, — давно секретъ потеряли... Вотъ, изволите обратить вниманіе, Успеніе Божіей Матери, — нашъ храмовой праздникъ. А это вотъ Никола Бѣженецъ. Въ 15-мъ году, во время эвакуаціи, увезли его въ Москву, да впопыхахъ не успѣли вынуть изъ кіота. Такъ и отправили. А вернулся онъ черезъ десять лѣтъ, по договору отъ большевиковъ обратно получили, и даже стекло не разбилось... И съ той поры называемъ мы его Никола Бѣженецъ. Минея мѣсячная — тончайшее письмо. Если въ августѣ родились — вашего святого разыщемъ... Старинная икона «Всякое Дыханіе да хвалитъ Господа». Живописецъ изобразилъ тигровъ, лошадей, змѣй, птицъ поднебесныхъ, — однимъ словомъ, всякое дыханіе... Соловецкихъ Святыхъ замѣтьте: преподобные Зосима и Савватій — пчеловодовъ покровители. Народную поговорку знаете: на Святого Пуда, вынимай пчелъ изъ-подъ спуда? Такъ вотъ, 15-го апрѣля это выходитъ. Тутъ, значитъ, пчеловодамъ и слѣдуетъ помолиться преподобнымъ... А это Неопалимая Купина, — отъ пожаровъ охраняетъ. Есть еще отъ пожаровъ и молніи заступникъ — преподобный Никита. Ему молиться слѣдуетъ 31-го января...

Потомъ экономъ повелъ въ свою комнату, книги показывать. Книги были печатаны при Патріархѣ Іосифѣ, въ царствованіе Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича. Были здѣсь старинныя рукописи въ кожаныхъ переплетахъ, Евангеліе въ золотомъ окладѣ съ драгоцѣнными камнями, другое Евангеліе въ окладѣ серебряномъ, — все дары старообрядческаго купечества, пришедшаго сюда въ давнія времена, еще въ 17-мъ столѣтіи. Старообрядцы бѣжали въ Ригу, бывшую тогда шведской, спасая свое «древлее благочестіе» отъ московскихъ царей. Когда Петръ Великій взялъ Ригу, нашелъ онъ въ городѣ великое множество богатыхъ купцовъ-старовѣровъ. Царь немилостиво отнесся къ нимъ, повелѣлъ стричь бороды, а многихъ прогналъ за Двину...

Мы поднялись на колокольню. Староста ударилъ въ колоколъ, отлитый въ Россіи, изъ мѣди и серебра... Все вокругъ загудѣло, и долго еще густой звукъ несся надъ Двиной и Московскимъ Форштадтомъ...

— Колокола наши московскіе... Вернули ихъ намъ большевики послѣ заключенія мира съ Латвіей... Слава Богу, а то пришлось бы новые заказывать; въ Германіи теперь ихъ дѣлаютъ. Да звукъ совсѣмъ иной, не умѣютъ они дѣлать, изъ чугуна льютъ. Во дворѣ колоколъ стоитъ, нѣмецкій. Уже, готовъ, далъ трещину... Нѣтъ, противъ нашихъ русскихъ колоколовъ — нѣмцамъ не выдержать!..

— Не угодно ли пройти въ келіи наставниковъ? Поповъ у насъ нѣтъ, мы безпоповцы, а начетчики и наставники живутъ тутъ же, при молельнѣ.

Заходили въ свѣтлыя, просторныя келіи. Здѣсь было солнечно, просторно, пахло ладаномъ, спѣющей антоновкой. Передъ иконами свѣтились лампады. Въ первой келіи навстрѣчу намъ поднялся старичокъ, снялъ очки, перевязанныя веревочкой, низко поклонился и сказалъ:

— Спаси васъ Богъ, благодѣтели наши, не забыли!.. А я тутъ поминальничекъ переписывалъ... Спаси Богъ...

И въ другихъ келіяхъ начетчики низко кланялись, запахивали свои драныя ряски; бороды ихъ были бѣлы, какъ лунь, волосы на лбу придерживалъ тонкій ремешокъ, подслѣповатые глаза всматривались въ лица пришельцевъ, сухіе пальцы творили двуперстное крестное знаменіе.

— Вотъ они и живутъ у насъ, по монашески, постничаютъ. Много ли надобно старичку благочестивой жизни?.. Есть у него келія, есть ѣда, — онъ и доволенъ. Живутъ у насъ шестеро старичковъ. День и ночь поочередно псалтирь читаютъ, покойниковъ поминаютъ... Только вотъ въ праздники не читаютъ, а такъ постоянно — другъ дружку смѣняютъ. Не угодно ли посмотрѣть?

Въ малой молельнѣ было темно, сыро, въ углу, у аналоя, горѣла тонкая свѣча. Древній старикъ стоялъ въ пустой молельнѣ и громкимъ монотоннымъ голосомъ читалъ псалтирь... Онъ читалъ и останавливался, прозрачными пальцами перевертывалъ страницу, снова принимался за чтеніе, и ни разу не посмотрѣлъ на пришельцевъ, — ему было это безраз-

лично, онъ чувствовалъ себя одинокимъ, далекимъ отъ всего мірского.

— Да возстанетъ Богъ и расточатся враги Его, и да бѣгутъ отъ лица Его ненавидящіе Его... Какъ разсѣивается дымъ, Ты разсѣй ихъ; какъ таетъ воскъ отъ огня, такъ нечестивые да погибнутъ отъ лица Божія... А праведники да возвеселятся, да возрадуются передъ Богомъ и восторжествуютъ въ радости. . .

Мы вышли на просторный дворъ. Была тишина, свѣтило яркое солнце, голуби важно разгуливали у воротъ. На скамьяхъ сидѣли старушки въ черныхъ платкахъ, старики изъ старообрядческаго пріюта; они грѣли свои кости на солнцѣ и о чемъ-то сосредоточенно думали...

Ударилъ колоколъ, было пять часовъ. Звонили къ вечернѣ. Старички встрепенулись, перекрестились, и одинъ за другимъ потянулись къ молельнѣ...

II

Съ весны, какъ только пройдетъ ледъ, и до поздней осени, по полноводной Двинѣ гонятъ плоты. Идутъ плоты изъ Россіи, изъ подъ Витебска. Растягиваются по теченію рѣки безконечными караванами.

Плотовщики — народъ бывалый, запасливый, любятъ брать съ собой въ дорогу бабъ: нѣсколько недѣль, проведенныхъ на водѣ, проходятъ тогда незамѣтно. Спятъ въ шалашахъ, укрывшись рогожами, почти не раздѣваясь. По ночамъ дрожатъ отъ холода, поднимающагося съ рѣки, днемъ отогрѣва-

ются на солнцѣ. Бабы стряпаютъ, стираютъ, штопаютъ, а въ трудныхъ мѣстахъ и на весла становятся.

Нелегка жизнь на плотахъ. Все время поглядывай, какъ бы заторъ не образовался, какъ бы на крутомъ поворотѣ на берегъ не налетѣть. Еще, чего добраго, лопнутъ цѣпи, разсыпятся бревна, — и тогда собирай, лови ихъ по теченію, — да и самъ не плошай: сухимъ изъ воды не выйдешь... Зато, когда пригнаны плоты въ Ригу, проданы на распилку, — тогда есть у плотовщиковъ нѣсколько дней отдыха и лишнія деньги въ карманѣ. Эти дни сплавщики лѣса ходятъ по городу, съ изумленіемъ останавливаются передъ окнами магазиновъ, жадными глазами смотрятъ на караваи бѣлыхъ хлѣбовъ, на ящики съ яйцами, окорока, колбасы, бочки съ масломъ... Всего вдоволь — нѣтъ ни очередей, ни заборныхъ книжекъ, можно зайти и купить все, чего душа пожелаетъ...

Я видѣлъ совѣтскихъ плотовщиковъ на базарѣ. Они ходили между рядами съ краснымъ товаромъ, — страшные, ободранные, — выходцы съ того свѣта. Былъ августъ, стояла жара, но они не снимали мѣховыхъ шапокъ съ наушниками, подвязанными кверху тесемочками. Всѣ были въ истертыхъ полушубкахъ, или дырявыхъ красноармейскихъ шинеляхъ. Ходили гурьбой, боязливо посматривая по сторонамъ, придерживая за пазухой кошельки: чего добраго, безпризорный какой-нибудь выхватитъ!

Плотовщики долго приторговывали голенища для новыхъ сапогъ. Я помогъ имъ, сдѣлка, въ концѣ концовъ, состоялась, и мы отправились вспрыс-

нуть обновку въ трактиръ «Якорь», славившійся при старикѣ Молочаевѣ своей солянкой. Старикъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дѣло перешло въ новыя руки, но въ трактирѣ мало что перемѣнилось. По прежнему, портовые грузчики и сплавщики лѣса приходятъ сюда выпить четверть подкрашенной водки и закусить кускомъ жирнаго угря. Плотовщики приводятъ сюда случайныхъ своихъ подругъ или базарныхъ торговокъ. На столахъ появляются пузатые расписные чайники, нарѣзанная бѣлая булка. Чай пьютъ съ блюдечка, въ прикуску, до седьмого пота.

Бойкій половой устроилъ насъ у столика, по которому ползали лѣнивыя мухи, взмахнулъ полотенцемъ и вдохновенно выпалилъ:

— Водка, пиво, чай и другіе минеральные напитки! Изъ закусокъ чего изволите? Можемъ предложить лососину свѣжую, копченую и жареную. Огурчики малосольные, томатъ-фарси и грибки въ сметанѣ. Грибокъ собственнаго маринада. Раки. Яичница, если желаете, съ ветчиной или саломъ. На свиную отбивную подождать придется — четверть часика безъ двухъ минутъ...

Порѣшили на пивѣ и ракахъ. Тутъ вниманіе наше было привлечено шумомъ въ сосѣдней комнатѣ. Дрались перепившіеся грузчики, что-то кричали по-латышски, ихъ разнималъ подоспѣвшій «картибнѣкъ». Половой объяснилъ:

— Шпана надрамшись и, значитъ, скандалютъ...

Молча выпили, закусили горячими раками. Старшій плотовщикъ вытеръ рукавомъ губы и съ разстановкой сказалъ:

— Къ частнику попали. Тутъ тебѣ что угодно. За деньги. И раковъ, этихъ самыхъ, и, обратно, пивка холоднаго.

Моментъ былъ подходящій. Я задалъ ни къ чему не обязывающій вопросъ:

— Ну, а какъ въ Россіи? Насчетъ ѣды? Все есть? . .

Плотовщики насторожились.

— Все есть. За деньги. Только ты, дорогой гражданинъ, не того. . . Разспрашивать не полагается. Это намъ запрещено. Обратно, мы за Ригу не говоримъ. Каждому свое интересно, а всѣмъ вмѣстѣ одинъ интересъ, — еще пара пива!

Помолчали. Потомъ старшій наклонился ко мнѣ и заговорилъ, обдавая пивнымъ духомъ:

— Разспрашивать не полагается, дорогой товарищъ изъ Риги. Сегодня поговорили, а завтра непріятности. Понялъ? Вотъ это оно самое и есть.

Допили пиво и ушли, низко, на глаза, нахлобучивъ шапки; на прощаніе старшій плотовщикъ сунулъ мнѣ мозолистую пятерню и хитро подмигнулъ глазомъ.

Нельзя писать о Ригѣ, и не разсказать о домѣ Черноголовыхъ. Домъ этотъ существуетъ 700 лѣтъ, его прекрасный зубчатый фасадъ украшаетъ площадь ратуши. Когда-то, въ древнія времена, на площади этой собирался рижскій купеческій людъ; базара давно уже нѣтъ, но до сихъ поръ надъ стариннымъ колодцемъ посреди площади стоитъ камен-

ное изваяніе неизвѣстнаго рыцаря, закованнаго въ латы. Рыцарь охраняетъ свободу коммерціи.

Черноголовые — рыцари и купцы. Общество было основано въ началѣ 13-го столѣтія, члены его миссіонерствовали, торговали, копили богатства и защищали родной городъ отъ вражескихъ нападеній. Не легко стать Черноголовымъ. Для этого нужно быть холостымъ, уроженцемъ Риги, протестантомъ и принадлежать къ купеческому сословію. Черноголовый съ женитьбой лишается званія активнаго члена общества, онъ можетъ еще носить фракъ и треуголку, но шпага въ ножнахъ изъ слоновой кости у него отбирается. Въ настоящее время есть только 13 Черноголовыхъ.

На широкой лѣстницѣ гостей встрѣтилъ сѣдовласый, крѣпкій старикъ, вотъ уже 50 лѣтъ хранящій сокровища Черноголовыхъ. Онъ повелъ насъ по стариннымъ полутемнымъ заламъ. Со стѣнъ глядѣли портреты русскихъ и шведскихъ царей, навощенный паркетъ скрипѣлъ подъ ногами. Въ домѣ стояла удивительная тишина.

— Историческія сокровища дома Черноголовыхъ поубавились, — сказалъ намъ хранитель. — Коллекція серебра, равной которой не было во всей Россіи, во время войны была эвакуирована въ Москву. Само собой разумѣется, большевики прибрали ее къ рукамъ. То, что осталось въ Ригѣ, удалось спасти лишь цѣной огромныхъ усилій. Красные хотѣли уничтожить царскіе портреты, ставили меня къ стѣнкѣ,

требовали выдачи оставшагося серебра. Было очень тяжело, но я выдержалъ, — сокровищницу отстоялъ. Послѣ заключенія мира съ совѣтской Россіей, Латвія потребовала вернуть ей, въ числѣ прочихъ эвакуированныхъ цѣнностей, и серебро Черноголовыхъ. Понадобились длительные переговоры, раньше, чѣмъ они согласились вернуть хотя бы часть имущества. Массивное серебро, столовый сервизъ на 200 персонъ и многое другое до сихъ поръ находится въ совѣтской Россіи. Спасибо, хоть часть вернули: кубки, чары, блюда старинной чеканки и серебряная статуя Св. Маврикія, покровителя Черноголовыхъ.

При основаніи общества покровителемъ его былъ Св. Георгій. А затѣмъ общество приняло покровительство Св. Маврикія, черноголоваго мавра, перешедшаго въ христіанство и обезглавленнаго потомъ невѣрными.

Изображенія Св. Маврикія всюду. Но вниманіе посѣтителя привлекаютъ и другіе портреты: Екатерины Великой, Петра I въ молодости, Александра I, Николая I, Александра III. Всѣ они побывали въ домѣ Черноголовыхъ и, по традиціи, каждый что-нибудь оставилъ. Анна Іоанновна подарила свою туфельку изъ голубого атласа; туфелька эта слетѣла съ царской ноги во время контреданса, на балу у Черноголовыхъ. Александръ II подарилъ свою фуражку, Николай II — перчатки. Въ витринѣ стоятъ высокіе сапоги Карла XII. Король шведскій потерялъ ихъ въ болотѣ, во время битвы за Двиной. Щитъ черепаховый Густава Адольфа, плеть, которой были изгнаны изъ Риги іезуиты, — множество табакерокъ, ста-

ринныхъ книгъ, историческая коллекція, составленная за 7 столѣтій.

— Были вы у владыки? Это самая большая рижская достопримѣчательность. Сходите!

Архіепископъ Іоаннъ живетъ въ подвалѣ, подъ соборомъ. Въ «покои» ведетъ узкая винтовая лѣстница. Посѣтителя сразу охватываетъ сырость, тяжелый, подвальный духъ. Низкіе сводчатые потолки, на стѣнахъ пятна сырости. Нѣтъ ни одного окна, дневной свѣтъ никогда сюда не проникаетъ. Днемъ и ночью горитъ электричество.

Скудно живетъ владыка. Нѣсколько креселъ, стулья. Шкафы съ книгами. Иконостасы. Надъ столомъ — большой портретъ Патріарха Тихона. Кровать за перегородкой. Въ углу, у печи — груда полѣньевъ... И сырость, и темнота въ углахъ, и тусклый свѣтъ электрической лампочки какъ-то сразу угнетаютъ...

— У насъ отняли помѣщеніе архіерейскаго дома, намъ принадлежавшаго, — объясняетъ епископъ. — Тогда, въ видѣ протеста, я поселился здѣсь. Дѣлались компромиссныя предложенія. Хотѣли мнѣ купить новый домъ, но я отвергъ. Это значило бы оправдать беззаконіе. Архіерейскій домъ былъ православнымъ мужскимъ монастыремъ, нашей святыней. Я глубоко убѣжденъ, что, рано или поздно, справедливость восторжествуетъ, и архіерейскій домъ мы получимъ обратно... А помѣщеніе сіе подвальное — намъ къ лицу, оно символизируетъ нынѣшнее, на-

до надѣяться, временное положеніе православной церкви въ Латвіи. У насъ отнятъ кафедральный соборъ, бывшій усыпальницей архіепископовъ. Его превратили въ лютеранскую церковь. И много другихъ церквей отнято у православнаго населенія Риги. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что, въ общемъ — латыши хорошо относятся къ русскому меньшинству, и его не притѣсняютъ. А вотъ, православную церковь загнали въ подвалъ. Говорю это, какъ депутатъ сейма, и обвиненіе неоднократно предъявлялъ властямъ придержащимъ съ парламентской трибуны.

Долголѣтняя жизнь въ подвалѣ на здоровьѣ моемъ не отражается. Здоровьемъ меня Господь не обидѣлъ. Всѣ въ роду такіе были. Дважды, благодаря своей силѣ, избѣгъ смертельной опасности... Долженъ вамъ признаться, что я гимнастикой занимаюсь. Лѣтомъ въ деревнѣ работаю, на полѣ, въ огородѣ, или плотничаю... Съ саномъ моимъ сіе совмѣстимо.

Сила у насъ передается отъ отца къ сыну. Дѣдъ мой, покойникъ, царство ему небесное, однажды, разсердился на коня, и легонько стукнулъ его кулакомъ по головѣ. А конь свалился и тотъ же часъ околѣлъ...

Въ молодости, до поступленія въ духовную семинарію, избытокъ силъ смущалъ меня. Одно время думалъ стать борцомъ, и даже учился этому искусству... Въ Ригѣ живетъ одинъ старый борецъ, такъ тотъ до сихъ поръ называетъ меня: коллега...

Въ молодости и на Волгѣ приходилось живать. Однажды, крючники задѣвать стали: «Ты бы, батя,

съ наше поработалъ, мѣшочекъ бы поднялъ». Ничего я имъ не сказалъ, взялъ мѣшочекъ на спину и понесъ его по сходнямъ. Выпучили глаза мои крючники. «Что ты, батя, въ монастырѣ пропадаешь?.. Къ намъ иди, въ крючники, большую деньгу заработаешь!». А то случилось разъ такое. Колоколъ вернули намъ изъ Москвы. Хорошій колоколъ, въ 14 пудиковъ вѣсомъ. Спеціалисты разные собрались, обсуждаютъ, какъ его на колокольню поднять... Лѣса какіе-то строить хотятъ, или на блокахъ... Посудили, поспорили, и разошлись... А я взялъ этотъ колоколъ на спину, да и снесъ его на верхъ. Оно проще, да и не такъ хлопотно. А то, еще недавно, такой случай былъ. На взморьѣ, прибѣгаетъ ко мнѣ шофферъ: «Владыка, Ваше Высокопреосвященство, помогите автомобиль вытащить! Въ грязи завязъ. Кромѣ васъ, никто не сможетъ — силы не хватитъ». Подобралъ я рясу, понатужился, и вытащилъ автомобиль... Вотъ и сила пригодилась.

Долго еще слушалъ я удивительные разсказы архіепископа изъ подвала.

УМИРАЮЩІЙ ДВИНСКЪ

Поѣздъ изъ Риги уходитъ вечеромъ, а въ Двинскъ приходитъ только рано утромъ. Торопиться некуда, — есть спальные вагоны, за ночь можно отлично выспаться, а съ утра отправиться по дѣламъ. Неторопливый этотъ поѣздъ имѣетъ свое прозвище: мужики зовутъ его ласковымъ именемъ «Максимка».

На каждой станціи «Максимка» останавливается, отдыхаетъ минутъ 10, а то и 15. Какъ только поѣздъ замедляетъ ходъ, изъ вагона на насыпь начинаютъ летѣть туго набитые мѣшки, лопаты, ведерки. Потомъ изъ вагона выбрасывается самъ бородатый обладатель инструмента. Не торопясь, подбираетъ свое имущество и идетъ къ буфету III класса. Тамъ за нѣсколько латвійскихъ рублей можно выпить чаю и, заодно, узнать, нѣтъ ли на станціи какой работы?

Въ Латгаліи [1]) малоземельнымъ крестьянамъ каждый годъ приходится отправляться на отхожій промыселъ. Когда была Россія — шли въ Москву,

---

[1]) Русская часть Латвіи.

въ Питеръ. Теперь граница закрыта. Въ Ригѣ и своихъ безработныхъ много. И вотъ, русскіе крестьяне ѣздятъ отъ станціи къ станціи, въ поискахъ заработковъ.

Работа одна — рытье канавъ для осушки болотъ. Трудъ каторжный — цѣлыми днями стоять въ болотѣ, по колѣни въ водѣ. Платятъ за это гроши, но выбора нѣтъ, — приходится осушать болота.

Со мной вмѣстѣ ѣхалъ паренекъ въ дырявыхъ сапогахъ, жалкій и, видимо, голодный. Всю ночь жевалъ черный хлѣбъ. На станціи я купилъ колбасы и угостилъ его. Онъ поблагодарилъ, и въ одну минуту съѣлъ полфунта. Потомъ надулъ щеки, икнулъ, и мечтательно сказалъ:

— Чайку бы теперь! .. Жалко, чайничка нѣтъ, а то сбѣгалъ бы на станцію, кипяточку попросилъ бы, тебя попотчивалъ бы...

— Ты куда ѣдешь?

— Въ Борисовку. Работу искать.

— Что жъ, дома работы нѣтъ?

— Дома ничего нѣтъ.

— А земля какъ же?

— Нѣтъ земли. Въ отца земли не было, и въ меня земли нѣтъ. Безземельные мы. Не вышло, значитъ. Каждому по мѣркѣ, а намъ не вышло.

— Трудно жить?

— Очень трудно, господинъ. Низкому классу теперь жить никакъ невозможно. Раньше работа была, а теперь — горе одно. И податься некуда... Такъ, на болотѣ и сидишь, воду голищей черпаешь, черезъ

дыры выпускаешь... Канавки роешь. И за то спасибо!..

Поѣздъ подходитъ къ станціи, пронзительно свиститъ, дергается нѣсколько разъ и, наконецъ, останавливается. Часть пассажировъ сходитъ. Вмѣсто ушедшихъ, въ вагоны врывается толпа мужиковъ. За ними прутъ бабы съ лукошками. Кое-какъ размѣщаются на деревянныхъ скамьяхъ. Потомъ начинаютъ устраивать вещи:

— Эй, тетка, убяри лукошко-то...

— Куда жъ я его убяру?

— Пастой, погоди малость, для тебя вагонъ прицѣплють...

Двое парней тянутъ за ноги спящаго мужика:

— Борода, ты не того!.. Ножки скинь. Мѣстовъ нѣту.

Борода храпитъ.

— Прикидывается, сукинъ сынъ! Тяни его, за эти самыя... Черезъ этихъ спальныхъ пассажировъ ж.... некуда положить.

Въ другомъ углу старушка разсказываетъ о своемъ горѣ:

— И ничего ты съ такой штукой не подѣлаешь. Ничего. Колтунъ образовался. А конь хорошій, работящій. Вся сила пропадаетъ. Я его у больницу водила. Посмотрѣли, пощупали, проколоть, говорятъ, надо. Кто жъ его прокалываетъ, колтунъ этотъ? Я, милые, безъ мужика. У меня конь единственный. Мнѣ прокалывать никакъ невозможно. Черезъ это прока-

лыванiе конь пропадетъ. Тутъ наговоръ долженъ быть, — наговоръ отъ такой болѣзни имѣется, да только я его не знаю. И посовѣтовали мнѣ съѣздить до знахаря...

Старушка говоритъ еще долго, но ее никто не слушаетъ. Почти всѣ въ вагонѣ уже спятъ, подложивъ мѣшки подъ голову. Тускло свѣтитъ свѣча въ фонарѣ. Раздается храпъ. Мужики что-то бормочутъ во снѣ, тяжко ворочаются съ бока на бокъ, свѣшиваютъ ноги на головы сидящихъ внизу. Воздухъ — хоть топоръ вѣшай. Пахнетъ давно немытымъ тѣломъ, прѣющей портянкой, потомъ, кислыми щами, водкой и крѣпкимъ табакомъ... Отправляюсь въ спальное купэ.

Двое мужиковъ останавливаютъ меня на площадкѣ:

— Который часъ будетъ, баринъ?

— Двѣнадцатый.

— Такъ... Къ утру, значитъ, на мѣстѣ будемъ.

— А вы — русскiе?

— Нѣтъ, мы католики.

— Какъ, католики? Русскiе, или латыши?

— Мы — римско-католической.

— Да я не про вѣру вашу спрашиваю. Нацiональности какой?

— А нацiональности мы будемъ католической. Католики, значитъ!

Длительное объясненiе. Крестьяне стоятъ на своемъ. Они разсказываютъ мнѣ, что латгальскихъ католиковъ латыши называютъ обиднымъ словомъ

«чангалы». Латгальцы не остаются въ долгу, и обзываютъ латышей-лютеранъ «чіулами».

— За такое слово, да если при свидѣтеляхъ, у мирошки 3 недѣли полагается. Но опять же, и имъ не спускаютъ — 3 недѣли за чангала...

Позже мнѣ приходилось встрѣчаться съ такими же крестьянами. Говорятъ они на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, но русскими себя не называютъ. На вопросъ о національности, неизмѣнно отвѣчаютъ: православный, или католикъ. Среди русскаго населенія Латвіи много католиковъ. Вообще, религіознаго единства здѣсь нѣтъ: на крестьянскую массу распространяютъ свое вліяніе православная церковь, католическая и старообрядцы, которыхъ въ Латвіи до ста тысячъ.

Единственный извозчикъ, оказавшійся у вокзала, содралъ съ меня втридорога. Все же, за 2 лата онъ взялся отвезти въ гостиницу.

— Дешевле нельзя, баринъ! Цѣлый день стоишь, а больше 2-3 сѣдоковъ не найдешь... Тутъ съ лошадью не прокормишься.

Только попавъ въ Двинскъ, я понялъ, что Рига дѣйствительно имѣетъ право быть столицей Латвіи. Какая глушь, провинція, тишина! Фаэтонъ безжалостно подпрыгиваетъ по булыжнику мостовой, двѣ-три босоногія бабы метутъ улицу, да солидные дворники поливаютъ изъ леекъ кирпичные узкіе троттуары. Кромѣ нихъ, на главной улицѣ ни души, а уже восьмой часъ. На пустынной церковной площади

лежатъ кучи навозу, — здѣсь, должно быть, наканунѣ былъ базаръ. Какой-то бѣлоголовый мальчишка нацѣливается на главную кучу и съ разгону врѣзается въ нее... Конскій пометъ летитъ во всѣ стороны. Посреди площади есть еще одинъ человѣкъ, какой-то мужикъ, въ рубахѣ на-выпускъ. Онъ стоитъ пять минутъ, десять, — не то ждетъ кого-то, не то просто любуется вывѣсками закрытыхъ трактировъ. А на вывѣскахъ можно прочесть чудесныя вещи, — только, должно быть, мужикъ не грамотный. На одной нарисованъ красавецъ-борецъ. Онъ держитъ надъ головой пѣнящійся бокалъ, а сбоку выведено:

«Заграничныя минеральныя воды». На другой вывѣскѣ «очки, пенснэ и разные хозяйственные предметы». Далѣе мѣстный живописецъ изобразилъ дегенеративнаго субъекта и снабдилъ его надписью: «Театральные и свѣтскіе парики».

Вниманіе пріѣзжаго привлекаютъ и афиши. Въ воскресенье въ сосѣднемъ курортномъ городкѣ, при участіи военнаго духового оркестра, состоятся выборы «Мистера Погулянки». Миссъ Погулянка, должно быть, давно выбрана. Теперь добрались до мужчинъ. Въ синема идетъ германскій боевикъ: «Преступная страсть д-ра Георге». Чтобы не вводить жителей города Двинска въ заблужденіе, директоръ синема обной драмы великой любви и великихъ страданій обѣстоятельно объясняетъ: «Сильная драма великой любви и великихъ страданій въ 12 актахъ на животрепещущую злободневную тему о внѣбрачной любви, половой извращенности и ея ужасныхъ послѣдствіяхъ — неизлѣчимыхъ болѣзняхъ». Послѣ силь-

щано «Черное Домино» — «роскошный современный романъ въ 10 частяхъ».

Красиво живутъ въ Двинскѣ!

Если вамъ нужно что-нибудь купить въ субботу, — поѣзжайте въ Рѣжицу, въ Ригу, куда угодно, — только не въ Двинскъ. Въ субботу всѣ двинскіе магазины закрыты. Евреи идутъ въ синагогу, въ новыхъ картузахъ и сюртукахъ. Въ этотъ день во всемъ городѣ работаетъ только одинъ еврей — рыжій чистильщикъ сапогъ, — существо въ высшей степени неудачное и обремененное многочисленнымъ семействомъ.

Пока онъ ногтями соскабливалъ съ моихъ ботинокъ грязь, я успѣлъ узнать, что евреямъ живется плохо, что ихъ въ Двинскѣ 15.000, всѣ хотятъ ѣсть, а торговля стоитъ.

— Городъ умираетъ! Развѣ вы знаете, что такое былъ Двинскъ до войны? Теперь это могила...

Двинскъ, дѣйствительно, производитъ впечатлѣніе умирающаго города. Когда-то онъ былъ важнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ. Отсюда шли поѣзда на Петербургъ, Варшаву, Ригу, Орелъ, Либаву, Ровно. Теперь ничего этого нѣтъ. Большой вокзалъ Сѣверо-Западной желѣзной дороги стоитъ заколоченный, полуразрушенный. Вмѣсто 120.000 жителей, осталось меньше 50.000. Во время войны много людей бѣжали вглубь Россіи, бросивъ свои дома на произволъ судьбы. Обратно они не вернулись. Дома стоятъ не-

занятые, постепенно разрушаются, ихъ растаскиваютъ по частямъ. Закрылись желѣзнодорожныя мастерскія, на которыхъ когда-то было занято до 4.000 рабочихъ. Слободки опустѣли, рабочіе разъѣхались, торговля не идетъ.

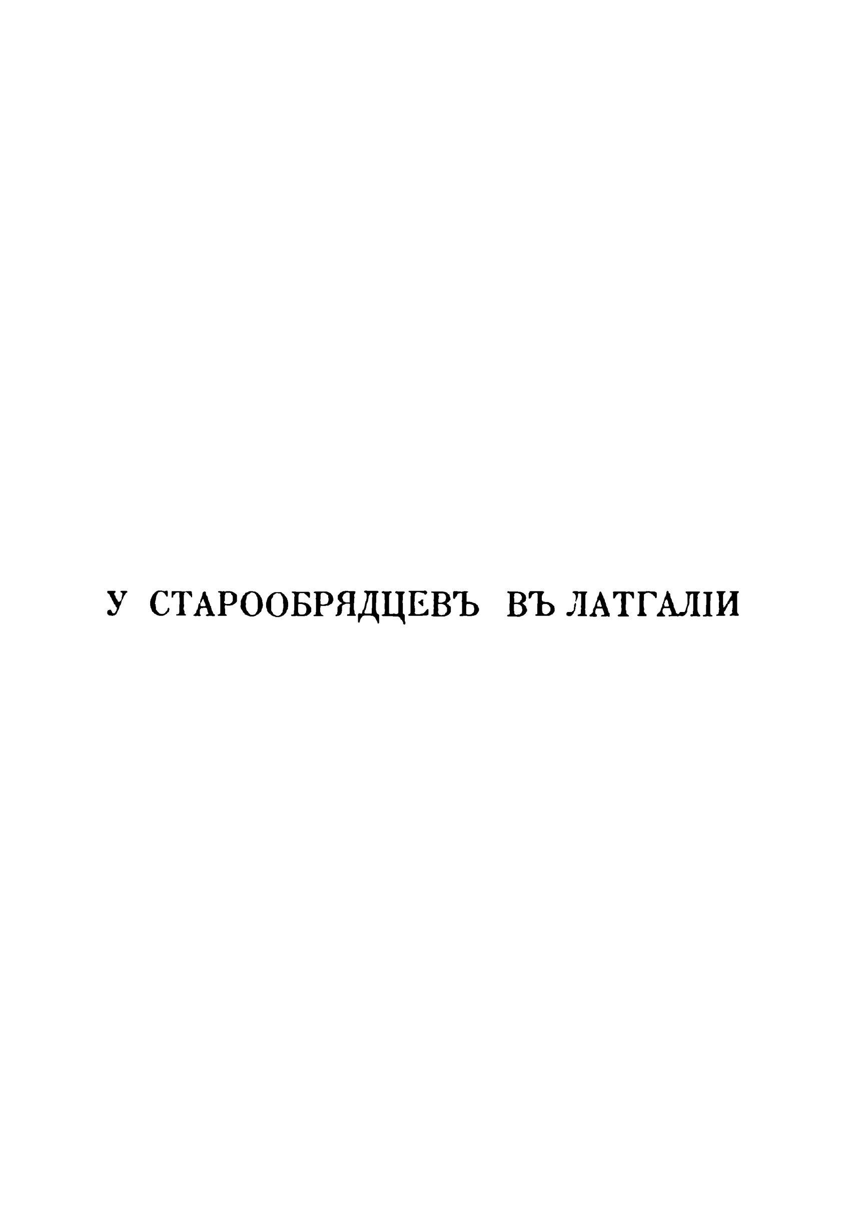
... Ботинки мои давно сіяли, какъ зеркало, а чистильщикъ все еще бѣшено наводилъ на нихъ послѣдній лоскъ.

— Слушайте, — сказалъ я ему, — мнѣ нужно купить носовой платокъ, обязательно нужно. Укажите мнѣ какой-нибудь открытый магазинъ...

Чистильщикъ сокрушенно посмотрѣлъ на меня: ему было стыдно за человѣка, не знающаго, что такое день субботній.

— Вы не купите носового платка. Еврей не откроетъ лавку ради вашего насморка. Потерпите до завтра!

И онъ снова заработалъ своей бархаткой. Это былъ артистъ, король всѣхъ двинскихъ чистильщиковъ, онъ никогда не былъ доволенъ своей работой, ему казалось, что люди созданы только для того, чтобы имѣть безукоризненно начищенные сапоги...

У СТАРООБРЯДЦЕВЪ ВЪ ЛАТГАЛІИ

Депутатъ сейма М. А. Каллистратовъ предложилъ мнѣ съѣздить въ деревню Борисовку, къ его избирателямъ-старообрядцамъ.

— Тамъ вы увидите настоящую Россію.

Изъ Двинска выѣхали на разсвѣтѣ, часа въ четыре. Было воскресенье, въ разныхъ углахъ двинскаго и рѣжицкаго уѣздовъ въ этотъ день были назначены народныя собранія съ участіемъ депутатовъ. Въ нашемъ вагонѣ оказалось ихъ нѣсколько, ѣхавшихъ въ свои избирательные округа.

Крестьяне, должно быть, знали о предстоящемъ визитѣ депутатовъ. На каждой станціи они ждали поѣзда. Увидѣвъ Каллистратова, снимали шапки и подходили съ претензіями:

— Мелетій Архиповичъ, какъ бы васъ повидать?.. Дѣльце малое имѣется.

— Пріѣзжайте въ среду въ Рѣжицу, тогда и поговоримъ.

— Господинъ Каллистратовъ, на тебя послѣдняя надежда...

— Обижаютъ, баринъ...

Депутатъ сердится:

— Какой я тебѣ баринъ? Стыдно, отецъ!

На одной станціи подошла толпа мужиковъ. Самый старый поклонился въ поясъ, и началъ жаловаться:

— Господинъ Каллистратовъ, Мелетій Архиповичъ, большую обиду народъ терпитъ. Возьми меня къ примѣру. Погорѣлъ я въ тыща двадцать осьмомъ году. Съ прошлаго года погорѣвши, выходитъ. Избенка пропала. А застрахована она была въ 20 тысячъ рублей. [1]). Четырнадцать тысячъ выплатили, а за остальными все ходимъ и ходимъ. Большую обиду терпимъ!..

Мужики всѣ сразу загалдѣли:

— А называется страховая касса отъ огня! Они только надсмѣхаются отъ насъ. «Надо было горѣть раньше, когда деньги были». Такъ и говорятъ, ей Богу! 40 разъ ѣздили въ Рѣжицу, а пользы никакой. Кому 15 тысячъ дали, кому 8, а другіе задаромъ ѣздютъ, лошадей зря гоняютъ. Избъ нельзя достроить, въ баняхъ да въ сараяхъ живемъ.

Депутатъ разспросилъ толкомъ, записалъ, обѣщалъ похлопотать. Кондукторъ засвисталъ. Старикъ вдругъ всхлипнулъ, поклонился низко и рыдающимъ голосомъ закричалъ:

— Большую обиду терпимъ! Не оставьте насъ, господинъ Каллистратовъ, въ темнотѣ нашей... Понапрасну обиду терпимъ!..

---

[1]) 2.000 франковъ.

Поѣздъ тронулся, а старикъ все еще кланялся, всхлипывалъ, вытиралъ кулакомъ глаза; и разсказывалъ самому себѣ о тяжкой обидѣ....

На станцію выѣхалъ за нами членъ волостной управы Шутовъ — молодой, толковый парень. Пока онъ запрягалъ лошадь, мы купили у босоногой дѣвченки яблокъ-опадышей. За мѣрку, — большую жестяную кружку, — дѣвченка брала 5 рублей (50 сантимовъ). Мужики выбирали яблоки поспѣлѣе и накладывали кружку черезъ верхъ, горкой, такъ, что выходило 5-6 лишнихъ. Дѣвченка ругалась, пыталась снимать излишки, но мужики сурово покрикивали на нее:

— Ну, ты, востроносая! Деньги получай, а до яблокъ не касайся.

— Вотъ тебѣ 4 рубля. Хватитъ. Небось, яблоки то своровала...

Лошадь тѣмъ временемъ была запряжена, въ телѣгу наложили свѣжаго сѣна.

— Съ Богомъ!

Латгалія славится своими лошадьми. Рыжій нашъ жеребецъ сразу пошелъ крупной рысью. И тутъ я разомъ почувствовалъ себя на территоріи бывшей россійской имперіи. Дорога была ужасная, вся въ ухабахъ. Насъ бросало и швыряло во всѣ стороны, пыль стояла столбомъ, солнце пекло немилосердно.

— Это еще ничего!.. А вотъ осенью тутъ не

проѣхать. На большакѣ еще кое-какъ, а тутъ, на проселочной, не выберешься... Лошади по брюхо.

До Борисовки было верстъ 12. Вокругъ насъ широко раскинулись поля. Приближалось время жатвы, золотая рожь волновалась подъ вѣтромъ, ходила волнами. На горизонтѣ стояли вѣтряки; было воскресенье, вѣтряки не работали. Какой-то парень въ кумачевой рубахѣ бѣжалъ межей, размахива. руками, что-то кричалъ намъ. Шутовъ попридержалъ лошадь, подождалъ бѣжавшаго:

— Мелетій Архиповичъ, а я васъ караулилъ. Мнѣ нынче сказывали, что вы въ Борисовку поѣдете. Дѣльце до васъ есть.

— Пріѣзжай въ Рѣжицу, тамъ поговоримъ.

Потомъ остановились на полпути, у избы предсѣдателя центральнаго старообрядческаго комитета, Колосова. Хозяинъ сидѣлъ въ красномъ углу, подъ образами, закусывалъ и пилъ чай. Борода его вѣеромъ раскинулась по вышитой синей рубахѣ; брови необычайно длинныя и закрученныя, какъ усики, торчали впередъ, и глаза посматривали весело, лукаво.

— Собраніе у васъ... А я на охоту собирался. Ну, да ужъ поѣдемъ вмѣстѣ. А пока лошадь покормятъ — милости прошу, стаканчикъ чая.

На столѣ, по случаю Успенскаго поста, стояла рыба, грибы, свѣжій медъ, варенье.

— За холмомъ Борисовка будетъ!

Черезъ пять минутъ мы вкатили въ деревню, вы-

тянувшуюся по обѣимъ сторонамъ большака. Избы стояли черныя, покосившіяся отъ времени. Собаки съ яростью на насъ набросились, но ихъ быстро отогнали кнутами. Оказалось, что собраніе придется отложить на часъ: на деревнѣ умерла старуха, и теперь ее отпѣвали. Пошли поглядѣть на похороны.

Старообрядческая молельня была полна. Слѣва, за особой перегородкой, стояли женщины въ черныхъ платкахъ. Справа — мужчины, всѣ бородачи, въ длинныхъ кафтанахъ до земли. Народъ все время прибывалъ. Крестьяне входили, низко кланялись обществу, трижды крестились, и застывали неподвижно, какъ въ строю. И на всѣхъ лицахъ, у дряхлыхъ стариковъ, у молодыхъ, у малыхъ дѣтей, было одно и то же выраженіе: торжественное, сосредоточенное и умиленное. Впереди, у стѣны съ иконами, на двухъ табуретахъ стоялъ гробъ съ покойницей. Начетчикъ ходилъ съ кадиломъ, а толпа грамотныхъ мужиковъ у аналоя нестройно пѣла молитвы.

Они пѣли монотонно, бабы подпѣвали тоненькими голосами; ихъ пѣніе было страшнымъ, рыдающимъ. Наступилъ моментъ прощанія. Изъ толпы по двое стали выходить мужики. Становились по бокамъ гроба, низко кланялись всему міру. И всѣ молящіеся кланялись имъ въ отвѣтъ. Потомъ прощавшіеся крестились, падали ницъ, били покойницѣ земный поклонъ, трижды касаясь лбами холодныхъ плитъ молельной. А вставъ, кланялись другъ другу и уступали мѣсто.

— Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, — заунывно тянулъ хоръ. Тяжко вздыхали мужики, чаще крести-

лись, били поклоны. Наконецъ, кончилось прощаніе. Гробъ заколотили, подняли на полотенцахъ и понесли подъ гору, на кладбищ... Тамъ росли высокія травы, шумѣли столѣтнія сосны, оттуда открывался видъ на безконечную равнину. На звонницѣ ударили въ «било», и, пока зарывали покойницу, погребальный звонъ плылъ надъ равниной, надъ полями, надъ далекими деревнями и хуторами...

Послушать депутата собралась вся деревня — старъ и младъ. Накрапывалъ дождь, но, несмотря на это, люди простояли подъ открытымъ небомъ два часа, внимательно слушая оратора. Только когда дождь полилъ, какъ изъ ведра, перешли въ молельную...

Депутатъ говорилъ о насущныхъ крестьянскихъ нуждахъ, о томъ, что мало земли, что нѣтъ лѣса, что пора выходить на хутора, да нѣтъ для этого средствъ. Толпа поддакивала:

— Правильно, Мелетій Архипычъ, правильно!

Какой-то рослый мужикъ въ армякѣ вдругъ вырвался впередъ и, ни съ того, ни съ сего бѣшено закричалъ:

— А почему такой безпорядокъ происходитъ? Потому, что не идемъ одинъ за однемъ. Силъ у насъ не хватаетъ. Я извиняюсь, господинъ Каллистратовъ, почему съ меня дважды подушный налогъ взяли? Подсунули бумажку: подпишись, да и ступай вонъ! Потому, не идемъ одинъ за однемъ!

Затѣмъ опять говорилъ Каллистратовъ. Когда онъ упомянулъ о журналистѣ, пріѣхавшемъ изъ Парижа, чтобы поглядѣть, какъ живутъ русскіе люди, крестьяне всѣ поклонились:

— Это спасибо, что не забываютъ!

Зашли на минуту къ старостѣ и начетчику меду попробовать, а потомъ отправились въ домъ къ Шутову, гдѣ уже былъ накрытъ столъ. Въ избу набилось человѣкъ двадцать. Пошли вокругъ стола стаканы и кружки съ крѣпкимъ пивомъ, крестьянской «кумушкой», отъ которой люди быстро хмелѣютъ. Наканунѣ хозяинъ сварилъ 15 ведеръ пива, и теперь предстояло его выпить...

За столомъ сидѣли часа три. Хоть и былъ постъ, но молодые ѣли баранину, мясныя щи, котлеты. А старики закусывали огурцами, жареными ершами, селедкой. Стакановъ было мало, они переходили изъ рукъ въ руки, и женщины, не садившіяся за столъ, подливали, подавали новыя тарелки и смиренно кланялись:

— Извините, пожалуйста!

Въ избѣ становилось душно, хмельно; постепенно всѣ заговорили, перебивая и стараясь перекричать другъ друга. Потомъ запѣли молитвы: старообрядцы не поютъ пѣсенъ. Пѣли заунывно, опустивъ головы на грудь, размахивая въ тактъ руками.. Къ концу обѣда стали подходить крестьяне и разсказывали все одно и то же: о подушномъ налогѣ, о недоимкахъ,

о томъ, что надо бы молельню отремонтировать, да денегъ нѣтъ, да и канаву не грѣхъ вырыть для осушки болота.

— Земля у насъ сырая, холодная. Влаги этой самой много. Ты ковырни ее, землю эту, а изъ подъ сапога вода идетъ... Оттого и родитъ плохо. Въ другихъ уѣздахъ нынѣшній годъ урожай, овсы по поясъ, а у насъ отъ земли не видать...

— ... Ну, выпьемъ, Сядой!..

Подошелъ старикъ въ дранномъ армякѣ. Началъ разспрашивать:

— Какъ тамъ у васъ, у Парижу, мужики живутъ? Какъ у насъ, али какъ лучше?..

— Нѣтъ въ Парижѣ мужиковъ, отецъ!

— Понимаю. Торговый городъ, значитъ. Вродѣ какъ Рига. Но какъ вы пріѣхавши, то вамъ виднѣе будетъ. А только мы здѣсь очень отощали. Прошлый годъ такая бяда была, такая бяда!.. Гдѣ градомъ побило, а гдѣ водой затопило. И выдали намъ сѣмена, —за это имъ, правительству, значитъ, спасибо. Только долги заѣли. Прямо душатъ и душатъ. Ты посуди: зямли 12 десятинъ, а дятей семеро — малъ мала меньше. На рубаху денегъ нѣтъ, пинжакъ въ дыркахъ, съ людей, баринъ, стыдно! Такъ и ходишь оборванный, какъ цыганъ какой-нибудь. И работы нѣтъ никакой. Раньше пойдешь въ Россію, зиму проработаешь. Домой вернулся, а въ карманѣ 70, а то и 100 цѣлковыхъ. И живи спокойно. А теперь, куда пойдешь?..

Говорили рѣчи, качали депутата, качали пріѣз-

жаго журналиста.... Потомъ на рукахъ несли до лошадей, и на прощанье просили:

— Вы ужъ насъ у Парижу не забудьте. Напишите за насъ, можетъ, облегченіе какое выйдетъ! И покорно васъ благодаримъ, господинъ Сядой.

На козлы сѣлъ Колосовъ, хлестнулъ изо всей силы, и пустилъ коней вскачь. Мы летѣли по страшнымъ латгальскимъ дорогамъ, схватившись другъ за друга, еле удерживались на поворотахъ. Встрѣчные люди сторонились, а депутатъ привычнымъ жестомъ снималъ шляпу и ласково кричалъ бабамъ:

— Ну, прощайте, тетушки!

12 верстъ проскакали безъ передышки, но къ поѣзду все же опоздали. Ночью пришлось сидѣть въ буфетѣ, тускло освѣщенномъ лампой «Молнія», пить безконечные стаканы чая и говорить о тяжкой нуждѣ латгальскаго крестьянства.

НА ГРАНИЦѢ С. С. С. Р

Попасть на совѣтскую границу не легко. Пятнадцативерстная пограничная полоса находится на военномъ положеніи. Въ каждомъ чужомъ, не мѣстномъ, человѣкѣ видятъ шпіона. Здѣсь ихъ дѣйствительно много — вся мѣстность кишитъ ими. Документы могутъ быть въ образцовомъ порядкѣ, но первый же встрѣчный пограничникъ задержитъ васъ и препроводитъ въ политическое управленіе. Пока будутъ сноситься съ Ригой, устанавливать личность задержаннаго — пройдетъ 2-3 непріятныхъ дня... Поэтому, я рѣшилъ обставить свою поѣздку всѣми мѣрами предосторожности.

Министерство иностранныхъ дѣлъ всячески облегчаетъ задачу журналистовъ. Но когда директоръ отдѣла печати А. Х.Бильманъ узналъ о моемъ намѣреніи побывать на границѣ, улыбка сошла съ его лица:

— Это будетъ трудно, очень трудно...

— Альфредъ Христофоровичъ...

Докторъ Бильманъ — самъ старый, профессіональный журналистъ. Онъ понялъ, и отправился къ

министру. Черезъ десять минутъ зазвонили телефоны. Министерство иностранныхъ дѣлъ снеслось съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Отсюда дали знать въ пограничное управленіе. Изъ управленія протелеграфировали на границу о предстоящемъ визитѣ журналиста. На всякій случай, д-ръ Бильманъ снабдилъ меня карточкой, открывающей всѣ двери.

— Теперь — поѣзжайте... Только не попадите по ошибкѣ на совѣтскую территорію!..

До отхода петербургскаго поѣзда оставалось 20 минутъ. Я вышелъ на платформу. Всѣ вагоны были латвійскіе, и только въ головѣ состава было два совѣтскихъ: «мягкій» спальный и «жесткій» — по старому Ш-ій классъ. На вагонахъ было тщательно выведено:

РИГА — ЛЕНИНГРАД

ЧЕРЕЗ РИТУПЕ, ОСТРОВ И ПСКОВ

Рядомъ прогуливался верзила въ синей формѣ совѣтскаго желѣзнодорожника. Я спросилъ: нельзя ли ѣхать въ его вагонѣ?

— Ежели въ Латвіи остаетесь, — то нельзя. А которые до Пскова или Ленинграда — пожалуйте. За два червонца въ мягкомъ. Спи всю ночь, — въ полное удовольствіе. Черезъ границу переѣдемъ — шибко пойдемъ. А тутъ на каждомъ полу́станкѣ останавливаются.

— Много народу въ Россію ѣдетъ?

— Не особенно. Больше наши, совѣтскіе. Кото-

рые изъ командировокъ возвращаются, служащіе изъ полпредствъ разныхъ... Эти носъ дерутъ. Или нэпманы заграничные — англичане да нѣмцы. И наши нэпманы — тѣ больше изъ жидовъ.

— Какъ, изъ жидовъ! Я думалъ, вы коммунистъ, а оказываетесь антисемитомъ...

— Коммунистъ и есть. Ленинского набора. Съ 24-го года въ партіи состою.

— А развѣ можно коммунисту «жидъ» говорить?

— Коммунистъ, гражданинъ, то особая статья, а жиды — особая. Раньше помалкивать приходилось, а теперь можно, сколько угодно. Теперь Троцкаго нѣтъ. Былъ, да весь вышелъ. Троцкій у еврейской націи въ главныхъ заступникахъ состоялъ. А какъ сняли его съ работы за предательство рабочего классу, то и этой самой націи туго пришлось, — на нихъ чистку устроили. Я, можетъ быть, на всѣхъ фронтахъ бился, и мнѣ еврейскіе нэпманы изъ мягкаго въ морду смѣяться не имѣютъ никакого полнаго права...

На этомъ разговоръ нашъ прервали. Поѣздъ тронулся...

Въ купэ было еще два человѣка, съ которыми меня познакомили въ Ригѣ: членъ пыталовской уѣздной управы С. И. Трофимовъ, и начальникъ латгальской пограничной стражи капитанъ Янсонъ. Ѣхали мы вмѣстѣ до станціи Яунлатгале — бывшее Пыталово.

— Тутъ до васъ одинъ журналистъ изъ Парижа

пріѣзжалъ, — разсказалъ мнѣ С. И. Трофимовъ. — Изъ «активистовъ». Собирался пробраться въ Россію «съ цѣлью совершенія террористическаго акта». На самомъ дѣлѣ, нужно было ему наладить связь на той сторонѣ. Пріѣзжаетъ онъ зимой. Выхожу на станцію встрѣтить его. Стоитъ трескучій морозъ, всюду горы снѣга. Изъ вагона выходитъ человѣкъ съ мрачнымъ лицомъ эдакаго заговорщика изъ фармацевтовъ. На немъ — черная фетровая шляпа съ широкими полями, легкое деми-сезонное пальто, и открытыя туфли. Видъ у него былъ адски конспиративный. Не хватало только кинжала и плаща. Сжалъ мнѣ руку, испытующе посмотрѣлъ въ глаза: можно ли, молъ, довѣриться? — и глухимъ голосомъ сказалъ:

— Найдите мнѣ вѣрнаго проводника!

Проводникъ нашелся, и парижскій «активистъ» черезъ день уѣхалъ. . . . въ Парижъ.

Спать намъ не хотѣлось. Началъ разспрашивать капитана о жизни на границѣ.

— Скучать намъ не даютъ. . . Часто перебѣгаютъ. Еще недавно, ночью, на латвійскую сторону пришла группа ободранныхъ мужиковъ. На нихъ страшно было смотрѣть. Привели ихъ въ караульный домъ, а они просятъ: «Христа ради, дайте хлѣбушка. . . Помилосердствуйте, оттощали больно!». Пограничники сжалились, дали имъ по краюхѣ хлѣба. У мужиковъ — слезы изъ глазъ: не знали, какъ благодарить! Слѣдующей ночью мы отпустили ихъ обратно. Но ихъ задержали тамъ при переходѣ. . . Должно быть, въ Сибирь теперь отправятъ. . . Бѣгутъ духоборы, прожившіе нѣсколько лѣтъ въ коммунистическомъ

«раю». Они пріѣхали изъ Канады съ большими средствами, оставили въ Россіи тысячи долларовъ, и теперь счастливы, что вырвались.

Въ концѣ іюня [1]) былъ такой случай: границу перешла цѣлая семья изъ 4-хъ человѣкъ. Добровольно явились на первый же постъ:

— Спасите! Больше не было силъ. . .

Надо вамъ сказать, что просто бѣженцевъ мы обязаны возвращать обратно. Иначе къ намъ изъ Россіи хлынули бы десятки тысячъ людей. Но политическихъ мы оставляемъ. Возвращать такихъ — значитъ подводить людей подъ разстрѣлъ. Началъ я допрашивать: кто такіе, почему перешли границу? Вижу — интеллигентные люди. Отецъ семейства — инженеръ, бывшій полковникъ. Я самъ Владимірское Военное Училище окончилъ когда-то... Короче говоря, — вижу, что этихъ людей нужно оставить въ Латвіи. Были они измучены, напуганы, буквально дрожали на допросѣ... Я ихъ успокоилъ и пригласилъ пообѣдать. И вотъ, когда эта семья очутилась въ столовой, за столомъ, уставленнымъ ѣдой, инженеръ не выдержалъ и расплакался:

— Спасибо... Если бы вы вернули меня за кордонъ, — клянусь вамъ, — я повѣсился бы на первомъ же суку!..

На утро пріѣхали въ Пыталово, расположенное всего въ 14-ти верстахъ отъ границы. Это — пред-

---

[1]) Этотъ и большинство сообщаемыхъ ниже фактовъ относятся къ лѣту 1929-го года.

послѣдняя латвійская станція. Прихода поѣзда ждала толпа ободранныхъ крестьянъ, окружившихъ Трофимова. Пыталово — совсѣмъ русское мѣстечко, населеніе здѣсь сплошь русское, православное. Есть управа, и въ ней 4 члена: 2 русскихъ и 2 латыша. На 108.000 жителей въ уѣздѣ около 50.000 русскихъ.

Когда-то здѣсь была куцая деревенька, а теперь латвійское правительство рѣшило создать уѣздный городъ. Всюду строятъ новые дома, возятъ лѣсъ, камень. По дворамъ стучатъ топоры. Какой-то босоногій парень кричитъ сиплымъ голосомъ:

— Митя, а Митя... Иди, что-ли, подсоблять!..

Митя не появляется, и парень покорно принимается ворочать бревна въ одиночку.

Баба съ коромысломъ идетъ по воду, лукаво поглядываетъ изъ-подъ платка, низко надвинутаго на глаза... Стая бѣлоголовыхъ, босоногихъ ребятишекъ хоронитъ живую кошку... На пустыряхъ перекликаются пѣтухи. Изрѣдка на главной улицѣ прогрохочетъ телѣга, а потомъ снова наступаетъ тишина. Только гудятъ телеграфные провода...

По средамъ въ Пыталово бываетъ базаръ. Изъ окрестныхъ деревень пріѣзжаютъ сюда крестьяне, продаютъ и покупаютъ, а послѣ сдѣлки отправляются въ чайныя или колоніальныя лавки — за гостинцами. Но въ этотъ день базара не было, улица была пустынна, во всемъ мѣстечкѣ былъ одинъ единственный праздношатающійся человѣкъ — чудакъ, пріѣхавшій изъ Парижа ради этихъ босоногихъ ребятишекъ, горланистыхъ пѣтуховъ и бревенчатыхъ избъ...

**
*

На слѣдующее утро, часовъ около девяти, къ крыльцу подали два тарантаса, запряженныхъ сытыми латгальскими лошадьми. Дулъ холодный вѣтеръ, моросило. Легкое парижское пальто оказалось для поѣздки непригоднымъ. Къ счастью, у Трофимова нашелся бараній полушубокъ и синій картузъ, замѣнившій шляпу съ Итальянскаго Бульвара. Въ полушубкѣ было тепло и уютно, а кожаный козырекъ картуза защищалъ глаза отъ ледяного вѣтра.

Капитанъ сѣлъ со мной въ первый тарантасъ, С. И. Трофимовъ помѣстился во второмъ, вмѣстѣ съ районнымъ начальникомъ. Возница въ военной формѣ положилъ, на всякій случай, револьверъ въ кобуру. Мы покатили, подпрыгивая на ухабахъ.

Выѣхали за деревню. Капитанъ сказалъ:

— До границы 14 верстъ. Но когда мы пріѣдемъ туда, чекисты уже будутъ знать, кто ѣдетъ и зачѣмъ.

— Какимъ образомъ? ! .

Капитанъ ничего не отвѣтилъ. . .

Позже я узналъ, что агентура по обѣ стороны границы поставлена превосходно. На латышской сторонѣ имѣются совѣтскіе агенты, но и не мало чекистовъ даютъ свѣдѣнія латвійской развѣдкѣ. Все это, конечно, хорошо оплачивается. Зато начальникъ латвійской пограничной стражи за два дня впередъ знаетъ о предстоящемъ переходѣ важнаго совѣтскаго агента, о томъ, гдѣ онъ попытается перейти, и съ какимъ именно порученіемъ идетъ въ Латвію.

— Впрочемъ, у большевиковъ теперь новая система. Когда имъ нужно переправить черезъ границу какого-нибудь агента, вдругъ, на опредѣленномъ участкѣ, они поднимаютъ стрѣльбу. Дѣло происходитъ ночью. Естественно, вдоль границы тревога. На этотъ участокъ немедленно стягиваютъ всѣ силы. Будьте увѣренны, что въ это самое время на сосѣднемъ участкѣ, съ ослабленной охраной, совѣтскій агентъ переходитъ на нашу сторону. Не всегда переходъ этотъ проходитъ для него благополучно. Мы узнаемъ и вылавливаемъ чужихъ раньше, чѣмъ они успѣваютъ добраться до станціи и сѣсть въ поѣздъ. Вотъ и вчера вечеромъ мы поймали одного чекиста... Но самое непріятное — это то, что чекисты вооружены до зубовъ, и не сдаются безъ боя. Недавно еще они убили такимъ образомъ одного латвійскаго пограничника.

Этимъ лѣтомъ былъ такой случай: кто-то изъ совѣтскихъ пытался бѣжать къ намъ. Должно быть, чекисты знали, въ чемъ дѣло. Отрѣзали ему дорогу. Дѣло происходило въ 100 саженяхъ отъ границы. Перебѣжчикъ залегъ въ кусты и сталъ отстрѣливаться изъ нагана. Наши хотѣли спасти человѣка, но едва лишь они показывались изъ-за прикрытія, чекисты открывали по нимъ огонь. Такъ они и пристрѣлили бѣднягу, — на своей, правда, территоріи. Кто былъ этотъ несчастный, мы такъ и не узнали. . .

Лошади заморились и пошли шагомъ. Мы проѣзжали деревни, разбросанныя вдоль дороги. Проѣхали древній Вышгородъ на холмѣ. Здѣсь при царѣ Іоаннѣ Грозномъ былъ стрѣлецкій аванпостъ, — от-

сюда высматривали стрѣльцы приближеніе враговъ къ московской землѣ. Теперь Вышгородъ — простое село, давно утратившее память о прошлыхъ событіяхъ...

Дулъ сѣверный холодный вѣтеръ. Надъ голыми полями ползли низкія облака. Сталъ накрапывать мелкій дождь. Вдругъ мой спутникъ приподнялся на сидѣньи и показалъ впередъ рукой:

— Видите эту рощицу?.. Россія!

Россія показалась сразу за поворотомъ дороги. Мы выѣхали на берегъ небольшой рѣченки Лжа.

— Лѣвый берегъ — латвійскій. Правый принадлежитъ совѣтской Россіи.

Всего 10-15 метровъ отдѣляли меня отъ Россіи. Лжа текла лѣниво, теряясь въ пескахъ. Даже мелкіе камни торчали изъ воды; посреди рѣки росъ густой тростникъ. Десятилѣтній ребенокъ могъ бы перейти здѣсь вбродъ.

Русскій берегъ мало чѣмъ отличался отъ латвійскаго. Тѣ же холмы, кустарники, лѣсъ на горизонтѣ. Нѣсколько бревенчатыхъ покосившихся избъ. Нѣкоторыя избы заброшены, ихъ теперь растаскивали на дрова. Хозяева либо бѣжали въ глубь Россіи, либо ихъ выселили въ Сибирь. Вдоль всей совѣтской границы можно видѣть такія полуразрушенныя избы, даже цѣлыя деревни, брошенныя на произволъ судьбы; населеніе ихъ оказалось неблагонадежнымъ, власти угнали крестьянъ изъ пограничной полосы. Иног-

да на мѣсто угнанныхъ присылаютъ коммунистовъ, надѣляютъ ихъ землей, лѣсомъ, готовыми домами. Такимъ путемъ за послѣдніе годы въ пограничной полосѣ образовалась довольно значительная коммунистическая прослойка. Новопоселенцы одновременно играютъ роль агентовъ ГПУ, внимательно слѣдятъ за границей, за движеніемъ въ пятнадцативерстной полосѣ, и имѣютъ право арестовывать подозрительныхъ людей. Правомъ этимъ они широко пользуются. Самое трудное — не переходъ границы, а пограничная полоса. Здѣсь всѣ знаютъ другъ друга, другъ за другомъ слѣдятъ, отсюда нужно выбраться, не встрѣтивъ ни одного человѣка, ибо первый же встрѣчный донесетъ въ ГПУ.

Отправились берегомъ Лжи. Шли довольно долго, не встрѣчая ни души. Казалось, попали въ какое-то мертвое царство, въ чумную полосу, которую избѣгаютъ живые люди. Время отъ времени, въ кустахъ раздавался пронзительный свистъ. Какъ изъ подъ земли выросталъ латвійскій пограничникъ, вытягивался въ струнку и рапортовалъ начальству. Въ одномъ участкѣ намъ сказали, что прошлой ночью была стрѣльба. Съ совѣтскаго берега кто-то открылъ огонь по латвійскимъ пограничникамъ. Всего было выпущено пять пуль. Одна попала въ крышу сторожевого поста.

Наконецъ-то мы увидали совѣтскихъ гражданъ. На противоположномъ берегу, у самой воды, два мужика косили траву. Шли они босикомъ, равномѣрно помахивая косами, и ряды мокрой высокой травы

безшумно ложились имъ подъ ноги. Трофимовъ крикнулъ:

— Богъ на помощь!

Мужики остановились, какъ вкопанные, разинувъ рты. Потомъ снова принялись косить, такъ и не отвѣтивъ на наше привѣтствіе. Капитанъ объяснилъ, что, подъ страхомъ выселенія, совѣтскимъ гражданамъ запрещается разговаривать съ людьми съ латвійской стороны. Достаточно одного слова, чтобы попасть въ Сибирь. Сколько драмъ разыгрывается на этой почвѣ! Есть деревни, разрѣзанныя пополамъ. Часть отошла къ Латвіи, другая осталась за Россіей. Сынъ живетъ на одномъ концѣ деревни, отецъ на другомъ. Проходятъ годы, и эти люди глядятъ другъ на друга только издали, не смѣютъ сказать ни одного слова. На одномъ хуторѣ зажиточная крестьянка жаловалась мнѣ, что ея мать, живущая въ 7-ми верстахъ отъ границы, нищенствуетъ.

— А я ничѣмъ помочь ей не могу. И писать боимся. Тамъ старуха съ голоду помираетъ, а мы здѣсь хлѣбъ свиньямъ скармливаемъ. . .

Въ самомъ началѣ, въ голодные годы, существовали на границѣ товарообмѣнные пункты. Тогда еще крестьяне сходились на часъ-другой, помогали другъ другу. Теперь все это кончилось: двери огромной тюрьмы наглухо закрылись. . .

— Совѣтскій пограничникъ!

Изъ-за угла хаты вышелъ человѣкъ въ длинномъ

непромокаемомъ плащѣ. Я надѣялся увидать остроконечный шлемъ, но былъ разочарованъ: совѣтскіе пограничники носятъ вмѣсто шлема зеленую фуражку стараго образца.

Онъ шелъ въ развалку, руки въ карманахъ, и винтовка ненужно болталась за его спиной...

Пограничникъ остановился и сталъ насъ внимательно разглядывать. Увидѣвъ, что мы собираемся сниматься, онъ поспѣшно отошелъ въ сторону и забрался въ наблюдательную яму, изъ которой виднѣлась только его голова. Мы снялись, потомъ медленно пошли вдоль берега. Совѣтскій пограничникъ вылѣзъ изъ ямы и пошелъ за нами слѣдомъ, не отставая ни на шагъ. Мы остановились, — остановился и онъ. Двинулись дальше. Чекистъ шелъ за нами съ дѣланно равнодушнымъ видомъ.

Въ одномъ мѣстѣ мы поднялись на мельничную запруду и дошли по узкой плотинѣ до середины рѣки. Здѣсь плотина была подѣлена на двѣ части — мельникъ протянулъ поперекъ колючую проволоку. Дальше нельзя было идти, — дальше была совѣтская территорія, — тамъ ждалъ чекистъ съ винтовкой. . .

Запруду починяли. Двое мужиковъ на плотинѣ пилили бревно. Третій полѣзъ въ воду, какъ былъ, въ штанахъ. Онъ стоялъ по колѣно въ ледяной водѣ, налаживалъ бревно, лязгалъ отъ холода зубами и громко матерно ругался.

Трофимовъ крикнулъ:

— Мишка, подойди-ка сюда!

Мишка вылѣзъ изъ рѣки. Съ его заплатанныхъ штановъ, прилипшихъ къ тѣлу, въ три ручья лила вода. Онъ любезно осклабился, снялъ картузъ и бойко поздоровался:

— Сергѣю Иванычу... Мое нижайшее.

— Слушай, братецъ. Можешь ты за полсотни латовъ этого господина на ту сторону доставить?

Мишка стыдливо засмѣялся:

— Шутить изволите, господа хорошіе...

Но капитанъ съ напускной серьезностью сказалъ:

— На этотъ разъ тебѣ препятствій чинить не будемъ... Что же? Переведешь?

— Шутить изволите! Пущай сами идутъ, — дорога свободная, рѣчка неглубокая...

— Да ты брось дурачиться. Вѣдь поймали тебя разъ на этомъ самомъ дѣлѣ?.. Водилъ же?

— Это, дѣло прошлое. Съ меня хватитъ. Больше не интересуюсь...

Мишка надѣлъ фуражку и снова полѣзъ въ воду. Это былъ знаменитый на весь уѣздъ контрабандистъ, спеціалистъ по переводу на совѣтскую сторону. Была у него еще и другая профессія, — онъ тайно служилъ въ чека. Однажды его уже выслали изъ пятнадцативерстной полосы, потомъ вернули, и теперь онъ находится подъ наблюденіемъ...

— Заѣдемъ къ Федору Ивановичу. Милліонеръ изъ крестьянъ.

Федоръ Ивановичъ разбогатѣлъ на товарообмѣнѣ, въ голодные годы. Въ лютую зиму 1921-го года изъ Пскова, изъ Острова, изъ всѣхъ совѣтскихъ городовъ, селъ и деревень, тянулись на границу крестьянскія подводы со своимъ и чужимъ добромъ. Были здѣсь штуки грубаго домашняго полотна, исхудавшій скотъ, иконы, винтовки — все, что могло имѣть хоть какую-нибудь цѣнность. Были здѣсь вещи изъ разграбленныхъ барскихъ усадебъ — старинная мебель, картины, статуи, золото и серебро... Къ вечеру мужики возвращались съ пунктовъ сытые, пьяные, довольные, — они везли съ собой муку, ржавыя селедки, бутылки съ водкой... Въ эту зиму много народу разжилось на чужомъ несчастьи: каждый день отъ границы уходили составы съ добромъ, вымѣнянными за гроши на хлѣбъ и масло.

— До чего тогда народъ изстрадался, представить себѣ трудно, — разсказывалъ Федоръ Ивановичъ. — Я еще божескую цѣну давалъ, а другіе, такъ задаромъ товарообмѣнъ производили. Тотъ ему самоваръ тащитъ, а этотъ пять фунтовъ муки отвѣшиваетъ. Не хочешь, — вези самоваръ свой обратно... И сколько тогда этого самаго сахарину въ Россію пошло, — вагонами отправляли!..

— А теперь какъ? Контрабандой занимаются?

— Теперь ничего подобнаго. Совсѣмъ граница закрыта. И подходить близко не стоитъ...

— А не боитесь жить близко отъ границы?

— Привыкли. А раньше ночами не спали. Вдругъ нагрянутъ красные, разграбятъ да поубиваютъ? А потомъ будутъ говорить, что бандиты приходили...

Въ нашихъ мѣстахъ такое дѣло случилось. Было это въ 22-мъ году. Деревню Пустое Воскресенье на томъ берегу, знаете? Верстахъ въ четырехъ отсюда. Такъ вотъ, деревня эта была неспокойная. То ли они комиссара разъ убили, то ли еще что... Только разъ ночью красные деревню подожгли со всѣхъ сторонъ, никого не предупредивши. Мужики изъ оконъ прыгаютъ, а тѣ по нимъ стрѣляютъ. Чтобъ, значитъ, никто не спасся. Такъ всѣхъ и перебили... А въ той деревнѣ у насъ родственники были, — у кого братъ, у кого кумъ, у кого зять...

Часа два просидѣли у Федора Иваныча, слушая его разсказы.

— Знаете ли вы исторію съ картузомъ, — спросилъ меня на обратномъ пути Трофимовъ. — Нѣтъ?

Живетъ сейчасъ въ деревнѣ Пыталово малый лѣтъ 15-ти. Шустрый паренекъ. Хочетъ стать контрабандистомъ. Пока еще молодъ, но тренируется... Въ прошломъ году малый рѣшилъ купить къ празднику новый картузъ. Дѣло простое, но кто-то сказалъ ему, что въ деревнѣ Синій Никола картузы чуть ли не задаромъ даютъ. А надо вамъ знать, что Синій Никола — деревня совѣтская, верстахъ въ 20-ти отъ границы. Малый уперся, твердо рѣшилъ за картузомъ на ту сторону сходить. Раздобылъ гдѣ-то червонецъ, зашилъ его въ рубаху, и ночью перешелъ черезъ границу.

На слѣдующую ночь возвращается въ Пыталово. На головѣ новый картузъ.

— Гдѣ купилъ?

— А въ Синемъ Николѣ.

— Врешь! Въ Вышгородъ ходилъ, или въ Ритупе...

Вынимаетъ изъ-за пазухи пачку совѣтскихъ газетъ и съ торжествомъ кладетъ на столъ.

— Откуда газеты?..

— А изъ Синяго Николы. Прихожу въ деревню. Перво на-перво въ лавку, картузъ купилъ. А потомъ пошелъ по деревнѣ. Вижу, изба-читальня стоитъ открытая. Захожу. На столѣ газеты лежатъ, а избача нѣтъ. Туды-сюды, забралъ газеты, и ходу!.. Къ вечеру на границѣ былъ.

— Не боялся, что поймаютъ?

— Нѣтъ, чего бояться?!. Мы тутошніе. Которые ночью переходятъ, тѣхъ подстрѣлить могутъ. А днемъ иди прямикомъ — никто не окликнетъ. Разъ только поймалъ меня совѣтскій, — на самой, можно сказать, границѣ. «Ты откуда?» спрашиваетъ. «Изъ той деревни, товарищъ!». Онъ и повѣрилъ. «Иди, говоритъ, да тутъ больше не шатайся, а то заарестую...». Отошелъ онъ малость, а я въ кусты — и черезъ границу...

НА РОДНОЙ ЗЕМЛѢ

Съ утреннимъ петербургскимъ поѣздомъ отправились въ Ритупе, бывшее Жогово. Это послѣдняя латвійская станція. Дальше начинается СССР.

Пассажировъ въ поѣздѣ было мало. Латыши всѣ вышли въ Пыталовѣ; въ «мягкомъ» же совѣтскомъ вагонѣ осталось всего два человѣка: упитанный гражданинъ и дама въ сиреневомъ свитерѣ. Оба готовились къ осмотру багажа таможенниками. Для легкости, упитанный гражданинъ сбросилъ пиджакъ. Подъ пиджакомъ оказалась шелковая рубаха съ крупной монограммой: гражданинъ, видимо, былъ изъ важныхъ пролетаріевъ. Онъ неторопливо открылъ чемоданъ свѣтлой свиной кожи, а затѣмъ аккуратно и со вкусомъ принялся раскладывать по койкѣ множество новыхъ благопріобрѣтенныхъ за границей вещей: какія-то перламутровыя зажигалки, бритву «жилетъ» въ сіяющемъ металлическомъ футлярѣ, флаконы съ духами и коробки пудры. Должно быть, это была контрабанда. Гражданинъ полюбовался еще разъ своими покупками, просвисталъ подъ носъ что-то веселенькое, и сталъ разсовывать короб-

ки и флаконы по разнымъ карманамъ. Покончивъ съ контрабандой, онъ снялъ съ верхней полки корзинку съ провизіей, закопченный эмалированный чайникъ и примусъ... Примусъ привелъ меня въ умиленіе: человѣкъ въ шелковой рубахѣ, должно быть, возилъ его по всей Европѣ, примусъ побывалъ въ Парижѣ и въ Берлинѣ, въ первоклассныхъ отеляхъ, въ пульмановскихъ вагонахъ, въ международныхъ спальныхъ, съ нимъ не разставались, его хранили, какъ зѣницу ока...

⁂

На станціи Ритупе изъ вагоновъ вышли рѣшительно всѣ, кромѣ гражданина въ шелковой рубахѣ и его спутницы.

Послѣ завтрака, мы выѣхали на границу. Проѣхали съ четверть версты по проселочной дорогѣ, свернули въ сторону, и попали на берегъ рѣченки Утроя. Разсказали мнѣ о ней такую легенду:

— Граница проходитъ по двумъ рѣкамъ: Лжа и Утроя. Поспорили разъ эти рѣки: которая скорѣе до моря добѣжитъ? Условились выходить утромъ. Одна сдержала слово, утромъ побѣжала, а другая съ ночи отправилась въ дорогу. И вышло такъ, что выбѣжавшая ночью потерялась въ пескахъ и болотахъ. За обманъ зовутъ ее съ тѣхъ поръ Лжа. А рѣку побѣдительницу называютъ «Утро-я»... Правда, несложно?

На совѣтскомъ берегу урожай былъ уже снятъ, овесъ стоялъ въ пяткахъ.

— Здѣсь, вдоль границы, они стараются не уда-

рить лицомъ въ грязь. А отойдите немного подальше, — увидите, что поля стоятъ заброшенныя, деревни полуразрушенныя. Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году весь этотъ край, съ совѣтской и латвійской стороны, постигъ неурожай. Латышское правительство выдало своимъ крестьянамъ сѣмена, а совѣтское ничего для своихъ не сдѣлало... На посѣвъ у большевиковъ получили только хозяйства вдоль границы. Остальные были предоставлены сами себѣ. Крестьяне, конечно, побросали хозяйства и ушли въ города, на заработки.

У будки № 202 мы пересѣкли полотно желѣзной дороги. Справа — первая совѣтская станція, Брянчаниново. Въ трехъ шагахъ отъ насъ — совѣтская территорія. На высокомъ шестѣ набита жестяная красная звѣзда, а на ней — серпъ и молотъ. Тутъ же рядомъ топографическая вышка. Два устоя ея упираются на латвійскую территорію, два другихъ находятся на совѣтской землѣ. Съемки давно кончились, и на вышку эту подниматься строжайше запрещается. Впрочемъ, большевики однажды запретъ нарушили. Произошло это при довольно забавныхъ обстоятельствахъ:

Время отъ времени, въ совѣтскомъ Островѣ или латвійскомъ Пыталовѣ происходятъ совѣщанія представителей пограничной стражи. На одно изъ этихъ совѣщаній пріѣхалъ въ Пыталово предсѣдатель ГПУ Острова, Ильинъ. Явился, вопреки международнымъ правиламъ, при револьверѣ. Вошелъ къ капитану Янсону. не снявъ фуражки. Къ чаю и къ завтраку не

прикоснулся, — должно быть, боялся, чтобы его не отравили.

Вопросы, подлежавшіе обсужденію, были важные. Совѣщаніе затянулось. Около 6-ти часовъ вечера съ поста доносятъ, что на топографическую вышку взобралось нѣсколько человѣкъ. Смотрятъ въ бинокли въ сторону Пыталово.

Оказывается, встревоженные продолжительнымъ отсутствіемъ начальника, чекисты подняли тревогу. Изъ Пскова на подмогу примчались 6 автомобилей — выручать Ильина. Устроили наблюденіе за станціей: куда отправятъ предсѣдателя ГПУ? Предсѣдателя отправили на совѣтскую границу.

Отличные цейсы у пограничной стражи: видимость 20 километровъ. Вотъ я мысленно перехожу границу, спускаюсь съ холма и иду по пыльной ухабистой русской дорогѣ. Покосъ кончился; поля стоятъ обнаженныя, мужики заняты уборкой скирдъ. Всюду, куда хватаетъ глазъ, — красныя, бѣлыя, синія рубахи, раздуваемыя вѣтромъ. Лохматый рыжій конекъ выбивается изъ силъ — тянетъ въ гору возъ съ сѣномъ. Вдали бѣлая церковь села Дубки. Я знаю, что слѣдующее село — Елино, а за нимъ, у самаго лѣса — Опанькино. Всего въ полуверстѣ отъ меня — совѣтскій сторожевой постъ, но если на минуту забыть объ этомъ — останется Россія: рѣчка Лжа, деревушка въ оврагѣ, бѣлая колокольня и рыжій лохматый конекъ...

Впрочемъ, забыть о сторожевомъ пунктѣ не удается. На крылечкѣ появляется пограничникъ. Поглядѣлъ въ нашу сторону и скрылся въ домѣ. Черезъ минуту во дворѣ уже шесть совѣтскихъ пограничниковъ. Одинъ вытащилъ бинокль и смотритъ на насъ, не отрываясь. Должно быть, наша группа его заинтересовала. Начальника района онъ отлично знаетъ, помощника тоже, часовые съ винтовками не возбуждаютъ любопытства, но кто — двое штатскихъ? Долго, вѣроятно, ломали они себѣ надъ этимъ голову...

— Видите церковь? — спросилъ меня сопровождавшій пограничникъ. — Это въ селѣ Дубки Разъ въ три недѣли священнику тамъ разрѣшаютъ служить. А все остальное время онъ работаетъ въ полѣ, какъ батракъ. Земли ему не дали. Какъ зазвонятъ къ обѣднѣ, такъ сейчасъ весь комсомолъ Дубковъ собирается и шествуетъ мимо церкви съ пѣніемъ и музыкой. Мы все это съ нашей стороны отлично видимъ и слышимъ. Приходятъ они на дворъ пограничнаго пункта. Тутъ сейчасъ танцы устраиваютъ, радіо слушаютъ или митингуютъ. Старшіе въ церковь идутъ, а молоднякъ — на дворъ къ пограничникамъ, — танцы соблазняютъ... Вообще, молоднякъ въ пограничныхъ деревняхъ — сплошь комсомольскій. Они имѣютъ оружіе, имъ дано право арестовывать подозрительныхъ. Комсомольцы даже премію получаютъ за арестъ человѣка, нелегально перешедшаго границу.

*
**

Мы спустились съ холма и пошли низомъ, вдоль узкой канавки, отдѣляющей Россію отъ Латвіи. Канавка эта прорыта вдоль всей сухопутной границы, она совсѣмъ неглубокая — полъ аршина.

— Перешагните, — и вы — въ Россіи...

Должно быть, спутникъ мой чувствовалъ, что я хочу перейти запретную черту и взять немного родной земли... Это очень тяжелое чувство: Россія здѣсь, рядомъ, — но доступъ къ ней закрытъ. Всего одинъ шагъ, но какъ трудно его сдѣлать!..

Мы остановились у хутора «Рощицы». Мѣсто пустынное, все вокругъ спокойно. Ни души.

— Я перехожу.

Въ это же самое мгновеніе шедшій за нами часовой далъ рѣзкій, тревожный свистокъ. Одинъ, другой....

— Назадъ! Не двигайтесь.

Въ кустарникѣ, въ двадцати шагахъ отъ насъ, появился совѣтскій пограничникъ. Остановился, какъ вкопанный.

— Назадъ! Иначе онъ будетъ стрѣлять.

Мы стоимъ съ одной стороны канавы; человѣкъ съ красной звѣздой на фуражкѣ — съ другой. Стоимъ молча, всматриваемся другъ въ друга. Проходитъ томительная минута. Пограничникъ вдругъ дѣлаетъ кругомъ-маршъ и исчезаетъ въ кустахъ. Должно быть, залегъ въ своей наблюдательной ямѣ... Ждать теперь безполезно; онъ, если нужно, пролежитъ въ кустахъ до самаго вечера.

Чтобы сбить съ толку наблюдателя, заходимъ на хуторъ. Мужики гдѣ-то въ полѣ. Домъ сторожитъ глухая старуха и пятилѣтній босоногій мальчонка въ заплатанномъ полушубкѣ.

Быстро знакомимся:

— Тебя какъ зовутъ?

— Толька.

— Въ школу ходишь?

Толька явно недоумѣваетъ:

— Цо?

— Въ школу учиться ходишь съ ребятами?

— Нѣ. .

— А на той сторонѣ бывалъ?

— Нѣ... Тамъ красные. Тамъ шпикулянта убили.

— Какого спекулянта?

— Не знаю. Тятька сказывалъ. Красные убили ночью. У нихъ и остался лежать...

Толькѣ всего четыре года. Про школу онъ никогда не слышалъ, но о «шпикулянтѣ» и о томъ, какъ «красные рубаютъ» онъ умѣетъ отлично разсказать. Пограничное воспитаніе.

— Ну, какъ онъ?

— Лежитъ, не двигается!

Махнули рукой и пошли обратно, къ топографической вышкѣ. Можетъ быть, тамъ никого не будетъ. Отошли съ версту. Снова, какъ на ладони, виденъ совѣтскій постъ, но до него довольно далеко. Эти не помѣшаютъ.

Прыгаю черезъ канавку. Каблуки глубоко уходятъ въ мягкую желтоватую глину.

Восемь лѣтъ я не былъ въ Россіи. Теперь снова стою на родной землѣ. Немного кружится голова. Пріятно... Отхожу въ сторону, дѣлаю нѣсколько шаговъ по полю. Съ латвійской стороны кричатъ:

— Торопитесь... Нагрянетъ пограничникъ — плохо будетъ!..

Въ карманѣ у меня припасена бумажная торба. Всыпаю въ нее пригоршни жирной, мягкой земли. Потомъ оглядываюсь: вдоль дороги растетъ милая бѣлая кашка, какіе-то стебли, травы... А рядомъ — ленъ. Нагибаюсь къ сладко пахнущей землѣ, набираю большой букетъ простыхъ полевыхъ цвѣтовъ...

Надо возвращаться. Вторично перехожу границу. Десять шаговъ, и я снова въ Латвіи...

Мы идемъ вдоль узкой канавки, отдѣляющей Латвію отъ Россіи. На совѣтской сторонѣ три бабы собираютъ ленъ Стоятъ близко, у самой дороги.

— Здравствуйте! Богъ на помощь!..

Какъ по командѣ, бабы поворачиваются къ намъ спинами.

Немного дальше мужикъ пашетъ, готовитъ землю подъ озимые. Увидѣвъ людей «оттуда», уходитъ подальше въ поле.

Черезъ пять минутъ два пастушенка бросаютъ коровъ на берегу Утроя и стремглавъ бѣгутъ въ деревню. Всюду наше появленіе вызываетъ поспѣшное бѣгство. Въ чемъ дѣло?

— Страхъ. Людямъ съ «той» стороны запрещается не только разговаривать съ латышами, но даже смотрѣть на латышскую сторону. Горе тому, кто подойдетъ къ границѣ и заговоритъ съ людьми изъ-за кордона!

*
**

Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но на латвійской сторонѣ есть коммунистическія деревни

— Какъ могло это случиться? Люди живутъ у воротъ «коммунистическаго рая». Достаточно подойти къ границѣ и сравнить. На латвійской сторонѣ крестьянинъ сытъ и обутъ. Правительство отпускаетъ ему лѣсъ на починку избы, въ неурожайный годъ — сѣмена. Хлѣбъ и ленъ онъ продаетъ по сравнительно высокимъ цѣнамъ. Русскіе крестьяне изъ Латгаліи почти всѣ въ сапогахъ. На совѣтской сторонѣ — крестьяне въ лаптяхъ, или босикомъ. Это — мелочь, но крестьянинъ ее замѣчаетъ и дѣлаетъ изъ нея выводы. Крестьянамъ съ латвійской стороны отлично извѣстно, какъ живется ихъ кумовьямъ, сыновьямъ и невѣсткамъ, оказавшимся по ту сторону границы. Не сгладились въ памяти и голодные годы, когда мужики толпами переходили границу, моля о хлѣбѣ. Помнятъ о прошлогоднемъ неурожаѣ; весной совѣтскій крестьянинъ рѣзалъ скотину, а крестьянинъ латвійскій получалъ въ это время правительственную и общественную поддержку. Отлично знаютъ объ арестахъ, разстрѣлахъ, выселеніяхъ. Знаютъ, но...

— Мы, баринъ, не красные, — говорили мнѣ мужики одной изъ «коммунистическихъ» деревень на латвійской сторонѣ. — И, спаси Господь, не коммунисты! Это намъ не подходитъ никакъ. А мы — русскіе. Опять же — податься некуда.

Въ этомъ «податься некуда» кроется разгадка занимавшаго меня вопроса. Русскіе крестьяне въ Латгаліи живутъ безконечно лучше крестьянъ совѣтскихъ, но все же положеніе ихъ не особенно завидное. Земли мало (мѣшаютъ болота), и родитъ она неважно — слишкомъ много влаги. Въ этихъ краяхъ, въ бывшей Псковщинѣ, крестьянинъ издавна привыкъ уходить зимой на отхожій промыселъ. Всѣ дороги были ему открыты: Псковъ, Новгородъ, Москва, Петербургъ. Проработавъ зиму въ городѣ, возвращался къ веснѣ въ деревню съ сотней рублей въ карманѣ... Теперь времена измѣнились, въ Латвіи — безработица, и мужикамъ «податься некуда». Отсюда мысль:

— Это правда, что на той сторонѣ худо. Но не можетъ этого быть, чтобы повсюду было одинаково. Должны быть и въ Россіи мѣста, гдѣ крестьянство живетъ ладно. А нѣтъ — все равно страна большая, всегда работа найдется...

Такъ рождается своеобразный «коммунизмъ».

Большевики знаютъ объ этихъ настроеніяхъ части латгальскаго крестьянства и стараются использовать ихъ. Но какъ?

Рано утромъ латвійскій пограничникъ находитъ въ кустахъ мѣшокъ съ «литературой» и сдаетъ находку по начальству. Должно быть, агентъ съ латвійской стороны не явился ночью на условленное мѣсто; можетъ быть, ему просто помѣшали.

Капитанъ Янсонъ вскрываетъ мѣшокъ и начинаетъ хохотать. Вотъ полный перечень агитаціонныхъ брошюръ:

«Мистеръ Троцкій на службѣ у буржуазіи», Ярославскаго.

«Путь Троцкаго».

«Германское профдвиженіе».

«Противъ правыхъ примиренцевъ въ германской компартіи».

Эти брошюры о правыхъ примиренцахъ предназначались для полуграмотныхъ латгальскихъ крестьянъ! Можно ли придумать лучше?

Самое доходное занятіе на границѣ — это шпіонажъ и переводъ на ту сторону. Для многихъ эта работа сдѣлалась главнымъ источникомъ существованія. Загулялъ мужикъ, появились у него лишнія деньги, — значитъ, дѣло не чисто: побывалъ въ гостяхъ у красныхъ. Шпіоновъ и переводчиковъ черезъ кордонъ начальство знаетъ отлично, но чтобы уличить ихъ, нужно поймать съ поличнымъ. А сдѣлать это трудно.

Идетъ по деревнѣ мужикъ въ новыхъ сапогахъ. Спутникъ мой сообщаетъ его «послужной списокъ»:

— До прошлаго года занимался шпіонажемъ. Потомъ струсилъ — слишкомъ рисковано стало, да и въ тюрьму идти не хотѣлось. Теперь — мирный контрабандистъ и «переводчикъ». Только я ему не довѣрился бы... Пожалуй, сдастъ въ руки чекистовъ!

Поравнялись съ бывшимъ шпіономъ.

— Здорово, Василій Ивановичъ.

— Здравствуйте, Николай Павловичъ!

— Ну, какъ дѣла?

— Да ничего... Не жалуемся. Кое-какъ кормимся.

Хитро подмигнулъ и пошелъ дальше, съ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Въ чайной къ столику нашему подсаживается здоровенный мужикъ. Поговорили о томъ, о семъ... Потомъ оглядѣлся по сторонамъ, налегъ грудью на столъ и зашепталъ:

— Вчерась Степка на ту сторону пошелъ. Вышелъ онъ рано... Да... Часовъ въ десять вышелъ, торопился. А къ утру не вернулся. Съ чего это можетъ быть? Не слыхали чего, на границѣ? Безпорядковъ никакихъ не было замѣчено?

— Нѣтъ, должно быть, сегодня ночью вернется.

— Такъ надо полагать. Можетъ, часовые мѣшали. Такъ онъ въ хлѣбахъ отлежится, а этой ночью перейдетъ границу. За сто латовъ ушелъ. . (500 франковъ). А только мамаша безпокоится. Да. Въ прошломъ мѣсяцѣ двое нашихъ пыталовскихъ пошли туда по 50 латовъ, а обратно не вернулись. И такъ намъ не извѣстно, что съ ними стало: убили ихъ, или въ Сибирь сослали... Ежели при самомъ

переходѣ накрыли — тутъ, должно быть, и прикончили. А коли подальше отъ границы, мужики поймали, то тогда, значитъ, Сибирь будетъ...

Тутъ узналъ я тарифъ «переводчиковъ». Берутъ разно, въ зависимости отъ того, кого переводятъ, въ какомъ участкѣ и куда надо доставить человѣка. За простой переводъ до большой дороги берутъ франковъ 500 — 1.000. Довести до Пскова и сдать въ городъ на попеченіе вѣрныхъ людей стоитъ значительно дороже — нѣсколько тысячъ. Вопреки довольно распространенному мнѣнію, шпіонажъ оплачивается гораздо хуже переводовъ черезъ границу, а риска значительно больше. 20-30, максимумъ 50 латовъ, — это все, что платятъ большевики агентамъ изъ мужиковъ. За эти гроши люди рискуютъ своей головой и, въ лучшемъ случаѣ, продолжительнымъ заключеніемъ въ крѣпости. А пойманный «переводчикъ» отдѣлывается тюрьмой и высылкой изъ пограничной полосы.

Много людей переходятъ оттуда границу. Всѣ они умоляютъ, чтобы ихъ оставили въ Латвіи. Только одинъ пожелалъ вернуться въ СССР.

Это тринадцатилѣтній безпризорный Васька Александровъ, невольно побывавшій за границей и этапнымъ порядкомъ вернувшійся въ соціалистическое отечество.

Лѣтомъ, во время великаго передвиженія безпризорныхъ по всей Россіи, Васька рѣшилъ выѣхать куда-нибудь изъ Москвы. Куда ѣхать — было ему

въ высокой степени безразлично. На московскомъ вокзалѣ онъ забрался въ первый попавшійся вагонъ, забился подъ скамейку, и сейчасъ же заснулъ. Проспалъ мирно всю ночь, незамѣтно проѣхалъ черезъ границу, и проснулся лишь утромъ отъ мучившаго голода. Поѣздъ стоялъ на большой станціи.

Васька рѣшилъ временно прервать свой вояжъ и отправиться въ городъ, настрѣлять чего-нибудь съѣстного. Выбрался со станціи и пошелъ по главной улицѣ, внимательно приглядываясь, нельзя ли чего-нибудь стянуть.

Босой мальчуганъ, въ необыкновенныхъ лохмотьяхъ, съ любопытствомъ заглядывающій въ освѣщенныя окна магазиновъ, быстро обратилъ на себя вниманіе. Постовой задержалъ его:

— Ты гдѣ живешь?

— Нигдѣ, дяденька.

— Откуда пріѣхалъ?

— Изъ Москвы!

Въ участкѣ Вася Александровъ разсказалъ исторію своей бурной тринадцатилѣтней жизни. Родителей онъ потерялъ въ 18-мъ году. Прожилъ нѣкоторое время въ Казани, оттуда перебрался въ Тверь, потомъ въ Москву. Жилъ, какъ всѣ безпризорные, путешествовалъ изъ города въ городъ, питался подаяніемъ и воровствомъ, ночевалъ въ заброшенныхъ домахъ, въ чужихъ садахъ, на вокзалахъ, подъ открытымъ небомъ.

Былъ онъ вшивый, грязный. Мальчику дали булку съ масломъ. Онъ ѣлъ съ наслажденіемъ и разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

— А я и не зналъ, что поѣздъ заграничный. Думалъ, въ Крымъ идетъ, или еще куда. А, можетъ, въ Харьковъ. Очень мнѣ хотѣлось въ Харьковъ попасть, да только не смѣлъ ни у кого спросить. Въ поѣздѣ слышалъ, про Двинскъ говорили, а я не зналъ, гдѣ это. Вышелъ изъ вокзала — смотрю, что-то не такъ. Въ магазинахъ продукты разные, а хвостовъ нема. Разные граждане заходятъ и за свои деньги покупаютъ. Потомъ — мильтоны не по нашему одѣты. Васька, сказалъ я себѣ, держи ухо востро, Васька, здѣсь мильтоны другіе! И, дѣйствительно, одинъ изъ мильтоновъ меня взялъ за шиворотъ и сталъ разспрашивать на непонятномъ языкѣ, а потомъ по-русски.

Редакторъ мѣстной газеты «Двинскій Голосъ», Н. К. Савковъ, выслушалъ этотъ разсказъ и предложилъ мальчугану:

— Хочешь здѣсь остаться? Только, братъ, надо будетъ помыться, привести себя въ порядокъ, да и воровство бросить. Въ школу будешь ходить.

— Извиняюсь, гражданинъ, — вѣжливо отвѣтилъ Вася Александровъ, — мы эту школу знаемъ. Въ исправдомъ отдать хотите? Только я оттуда убѣгу, это намъ ничего не стоитъ. Какъ я есть безпризорный московскаго 3-го участка, то мнѣ желательно ѣхать обратно въ Москву.

Долго убѣждали Васю Александрова. Потомъ махнули рукой, дали на дорогу еще одну булку съ масломъ, и отправили на родину.

ВЪ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ

I

Приближался Успеньевъ день. По дорогамъ русскаго Причудья шли богомольцы въ лаптяхъ, съ котомками за плечами, тянулись крестьянскія телѣги. Успеніе Божіей Матери — храмовой праздникъ стариннаго Псково-Печерскаго монастыря. Было время, когда къ этому торжественному дню въ монастырь стекались десятки тысячъ вѣрующихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Печерскій край отошелъ къ Эстоніи, а Псковъ остался за Россіей — монастырь опустѣлъ и обнищалъ. Нѣтъ больше крестныхъ ходовъ изъ Пскова въ Печеры, мало стало богомольцевъ, уменьшилась и братія монастырская. Но все же, ко дню храмового праздника, изъ всѣхъ окрестныхъ деревень съѣзжается множество народу.

Была теплая, звѣздная ночь, когда мы вошли въ глубокія сводчатыя ворота монастыря. Успенскій Соборъ не вмѣщалъ всѣхъ молящихся, и епископъ Іоаннъ Печерскій служилъ на паперти, подъ открытымъ небомъ. У иконы Божіей Матери «Одигитріи»-«Путеводительницы» — полыхало желтое пламя зажженныхъ свѣчей; тоненькая восковая свѣча была въ рукахъ каждаго молящагося, огоньки плясали,

переходили съ мѣста на мѣсто, гасли, и потомъ снова ярко вспыхивали въ ночи. Толпа пѣла:

— О Владычице, Царице небесная! Ты ми мати и надежда, Ты ми упованіе и прибѣжище, покровъ и заступленіе и помощь. Царице моя преблагая и пребыстрая заступнице, покрый своимъ ходатайствомъ мое преступленіе, защити мене отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, умягчи сердца злыхъ человѣкъ, возстающихъ на мя...

Потомъ на звонницѣ ударили въ колокола, начался веселый, праздничный благовѣстъ; гудѣли большіе колокола Іоанна Грознаго и Бориса Годунова, серебряными голосами отвѣчали имъ малые звоны, и подъ эту необыкновенную симфонію подходили богомольцы подъ благословеніе, прикладывались къ иконѣ, били послѣдніе земные поклоны и медленно расходились съ монастырскаго двора...

Въ городѣ, въ монастырской гостиницѣ, въ покояхъ владыки все было полно. Эту ночь провелъ я въ бѣлой монашеской келіи, которую уступилъ мнѣ кто-то изъ братіи.

Съ ранняго утра, во всѣхъ монастырскихъ церквахъ и подъ открытымъ небомъ начались службы. Народъ Причудья и Псковщины — очень набожный. Мужики, бабы, дѣти — всѣ молятся съ большимъ усердіемъ. Но усерднѣе всѣхъ молятся «полувѣрцы». Эти люди поразили меня еще наканунѣ, во время всенощной.

Полувѣрцы, или «сэты» — небольшой народецъ

въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, остатки древней чуди. Съ незапамятныхъ временъ осѣли они у береговъ Чудского озера, сохранили свой языкъ — непохожій ни на русскій, ни на эстонскій, свои нравы и обычаи. Мужчины одѣты, какъ русскіе мужики, но зато «полувѣрки» признаютъ только свой національный костюмъ: кафтанъ изъ грубаго полотна, перехваченный въ таліи и доходящій до земли, бѣлый накрахмаленный платокъ, скрывающій волосы. Дѣвушка носитъ косу, замужняя женщина выпускаетъ изъ подъ платка вышитыя полотенца. Чѣмъ богаче сэтка, тѣмъ больше у нея на груди золотыхъ и серебряныхъ монетъ — старые царскіе золотые рубли, полтинники.

Сэты — православные. Почти всю службу выстаиваютъ они на колѣняхъ, бьютъ поклоны, касаясь лбами каменныхъ плитъ, молятся истово, крестятся широко, размашисто. Епископъ Іоаннъ разъяснилъ мнѣ, почему народъ считаетъ ихъ полувѣрцами. Мужики говорятъ:

— Богу они молятся хорошо, а по нашему не понимаютъ. Значитъ, — половинная ихъ вѣра.

Такъ пошло съ давнихъ поръ, къ прозвищу этому всѣ привыкли, и теперь сами сэты называютъ себя полувѣрцами. Русскіе крестьяне отлично съ ними уживаются.

Въ монастырской лавочкѣ — дымъ коромысломъ. Пожилой монахъ степенно торгуетъ молитвенниками, иконами, лампадами и свѣчами.

Старухи топчутся на мѣстѣ, высматриваютъ, — чего бы купить божественнаго?

Одна жалостливо тянетъ:

— Батюшка, выбери книжечку...

— Какую тебѣ надобно?

— Это ужъ тебѣ виднѣе...

— Ну, возьми псалтирь.

— Спасибо, отецъ родной... А вотъ дочка у меня на сносяхъ. Какому святому молиться слѣдуетъ?

— Въ беременности Анастасія Узорѣшительница помогаетъ. Роды будутъ благополучные и безболѣзненные.

Другая старуха приторговываетъ образъ Николая Чудотворца. Въ сотый разъ она переспрашиваетъ монаха о цѣнѣ.

— Я, матушка, уже сказалъ тебѣ: 200 марокъ. Что жъ ты все торгуешься? Не отъ меня цѣны поставлены.

— Дороговато, батюшка. А, можетъ, есть у тебя Никола поменьше?..

Бабы торгуются, потомъ достаютъ изъ-подъ юбокъ платочки, развязываютъ узелки и вручаютъ монаху мелочь и помятыя бумажки. Запасшись свѣчами, книжечками о преподобномъ Корниліи Печерскомъ и новыми образами, идутъ къ монастырскимъ церквамъ.

День солнечный, небо по осеннему синее; на аллеѣ, ведущей къ Успенскому собору, березы теряютъ первые листья. Тутъ выставлены иконы: чудотворная пресвятой Богородицы Одигитріи, св. Варвары Великомученицы, князей Бориса и Глѣба, Ка-

занской Божіей Матери... Тѣснится вокругъ народъ, люди проталкиваются къ иконамъ; священники все время служатъ молебны. Отъ горящихъ свѣчей несетъ жаромъ, въ воздухѣ струится ладанъ, нестройнымъ хоромъ мужики поютъ:

— Пресвятая Богородице, спаси насъ... Пресвятая Богородице, спаси насъ...

А въ сторонѣ, на камняхъ, расположились крестьяне, ждущіе крестнаго хода. Одна баба, клевавшая носомъ, вдругъ встрепенулась:

— Почудилось, выносятъ!.. Нѣтъ, еще съ четверть часика обождать придется. Устала я, милые... Къ ранней обѣднѣ была...

Потомъ разулась, блаженно пошевелила пальцами, и пояснила:

— Сапожки-то новые. Тѣсные. Вотъ, нога и затекши.

На звонницѣ загудѣли колокола. Толпа повалила съ паперти.

— Выносятъ... Выносятъ...

Бородатые мужики въ армякахъ понесли впередъ тяжелыя хоругви. Потомъ поплыли надъ толпой носилки съ иконами. Показался епископъ Іоаннъ, духовенство, монахи въ черныхъ клобукахъ. Слѣдомъ хлынула давящая безпорядочная толпа. Мужики и бабы становились въ затылокъ, бросались на землю, иконы проносили надъ головами распростертыхъ людей, бабы молили:

— Матушка, Заступница!...

— Полегче, православные!..

— Не давите, отцы родные!..

Вышли изъ монастырскихъ воротъ. Надъ Печерами несся трезвонъ, на солнцѣ сіяли ризы иконъ, далеко разносилось пѣніе монаховъ. Пошли по холмамъ, вдоль старинныхъ стѣнъ и башенъ монастырскихъ, видѣвшихъ «моръ и гладъ людямъ и нашествіе иноплеменникъ». Великую услугу оказали русскому народу эти стѣны и башни, расположенныя на самой границѣ московскаго государства. Боролись здѣсь съ лифляндцами, съ неукротимымъ ливонскимъ орденомъ, съ поляками и шведами. Стефанъ Баторій, осаждавшій Псковъ, послалъ на Печерскій монастырь «множество вои». Плохо въ эти дни пришлось монастырской братіи. Уже воины Баторія сдѣлали въ стѣнѣ большую брешь, уже готовились идти приступомъ и снести съ лица земли монастырь, но случилось чудо: видѣли тогда на стѣнахъ «во дни і по вся нощи нѣкоего мужа стара, власы бѣла имуща, овогда ѣздящѣ на конѣ». Святой Николай Чудотворецъ уберегъ монастырь отъ разграбленія: выставили монахи въ проломѣ образъ Богородицы, и отступилъ смутившійся врагъ... Потомъ напалъ на монастырь воевода Лисовскій и польскій панъ Ходкевичъ. . . Выламывали ворота нѣмцы — и ихъ отразили монахи «и отидоша посрамлены, а домъ Пресвятыя Богородицы сохраненъ бысть заступленіемъ ея».

Былъ моръ отъ Ильина дня 1630-го года до самаго Рождества: 1700 человѣкъ умерло тогда въ монастырѣ и посадѣ. Были пожары, бѣдствія разныя — но всякій разъ поднимался монастырь изъ развалинъ. Въ послѣдній разъ воздвигъ стѣны Императоръ

Петръ Великій, рѣшившій покончить съ набѣгами шведовъ на русскую землю. Вокругъ всего монастыря сдѣланъ былъ «земляной валъ съ пятью земляными же бастіонами, окладенный дерномъ; и вокругъ всего онаго вала обведенъ ровъ». «Въ крѣпости сей находилось тогда разныхъ огнестрѣльныхъ орудій по башнямъ, стѣнѣ и въ клѣткѣ 428; къ нимъ пороху въ казнѣ имѣлось 196 пудовъ 22 гривенки съ полугривенкою; ядеръ различной величины 2.263 пудовъ; къ затиннымъ пищалямъ желѣзныхъ ядеръ и свинцовой дроби 5 пудовъ и 20 гривенокъ; 18 корытъ кусковъ невѣшенныхъ свинцу; да карабиновъ 29; ремней 11; крюковъ 11; сайдаковъ 11; колчановъ 15; надучниковъ 10; по городу на цѣпяхъ подъемныхъ багровъ 4; подъемныхъ канатовъ 2».

Только послѣ Ништадтскаго мира Псково-Печерскій монастырь утратилъ свое стратегическое значеніе, оказавшись вдали отъ границъ и отъ опасности. Но стѣны и башни сохранились, тѣснымъ кольцомъ окружаютъ они монастырь, и еще много вѣковъ будутъ напоминать о его славномъ прошломъ. [1]).

Пока служили молебенъ у Ручья Выбѣгающаго, академикъ С. А. Виноградовъ, постоянно проживающій въ Печерахъ, увлекъ меня къ воротамъ мона-

---

1) См. прекрасно изданную монографію проф. Синайскаго «Псково-Печерскій монастырь». Репродукціи акад. В. А. Виноградова. Изд. «Рити», Рига.

стырскимъ. На нихъ написано: «Любитъ Господь врата Сіона паче всѣхъ селеній Іаковлевыхъ».

Народъ ушелъ за крестнымъ ходомъ; у воротъ осталась только нищая братія. Нищихъ было много; они сидѣли и лежали у стѣнъ, грѣясь на солнцѣ, выставивъ напоказъ свои ужасные гнойники, язвы, обрубки рукъ и ногъ... Были здѣсь древнія старухи, благочестивые слѣпые старцы.

Много подаютъ въ печерскомъ краю. Но крестьяне — народъ бѣдный, денегъ у нихъ въ обрѣзъ, да на всѣхъ и не напасешься мелочью. Милостыню подаютъ здѣсь хлѣбомъ и творогомъ, — такъ издавна повелось. У каждаго нищаго на колѣняхъ торба, набитая корками, и котелокъ или миска для творога. Приходитъ благочестивая сэтка, несетъ съ собой цѣлый каравай. Останавливается передъ нищимъ, аккуратно отрѣжетъ ломоть хлѣба и подаетъ съ поклономъ. А другая принесетъ творогу, и каждому нищему по ложкѣ...

Двое слѣпцовъ заунывно поютъ какой-то акафистъ Богородицѣ. Бабы крестятся, подаютъ и просятъ:

— Помолись, дѣдъ, за рабу Божію Ольгу... И раба Божія Митрофана.

— Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ Ольги и Митрофана... Во блаженномъ успеніи вѣчный покой, подаждь, Господи...

Проходитъ босоногій юродивый въ отрепьяхъ, съ огромной торбой за спиной:

— Братка, дай мнѣ хлѣбца! Я за тебя Богу помолюсь. Братка, дай кусочекъ!

Печерскіе нищіе просятъ хорошо, имъ какъ-то нельзя не подать. Но ужасны цыганки. Ихъ много въ Печерахъ, ходятъ онѣ по базару, по монастырскому двору, пристаютъ часами и, сколько бы ни дали — все мало.

— Дорога тебѣ, баринъ, дальняя предстоитъ. А будетъ черезъ ту дорогу тебѣ большая радость... Выдерни, баринъ, карточку, дай цыганкѣ погадать... Чайку, баринъ, попить хочется... А есть у тебя душа вѣрная, только много враговъ на тебя ябедничаетъ. А остерегайся ты коня чернаго, женщины свѣтлой и мыслей дурныхъ...

Я далъ ей нѣсколько мѣдныхъ монетъ, но она шла за мной по двору; теперь ей хотѣлось бараночекъ къ чаю; она начала сначала — про дальнюю дорогу и большую радость... Проходилъ по двору монашекъ, остановился и грозно изрекъ:

— Устыдись, цыганка! При силѣ твоей и дородности надлежитъ тебѣ въ поля идти, крестьянскую работу дѣлать...

Но цыганка шла за мной слѣдомъ; ей мучительно хотѣлось баранокъ. И тогда она испробовала послѣднее средство:

— Баринъ, дай хоть пять марочекъ! У тебя носъ питерскій.

«Питерскій носъ» привелъ меня въ восхищеніе. Я далъ ей десять марокъ. Потомъ, до самаго вечера, за мной ходили толпы цыганокъ:

— Баринъ, дай десять марочекъ. У тебя носъ питерскій!

II

Кончился престольный праздникъ, отзвонили колокола, храмы опустѣли. Монастырская жизнь снова потекла ровно и спокойно: постъ, молитва, работы. По ночамъ дозорный колотилъ въ старинное било, колокола на звонницѣ отбивали положенное число ударовъ. На разсвѣтѣ молился въ пещерномъ храмѣ одинокій схимникъ. А когда солнце золотило ели на верхушкѣ Святой Горы — тянулась къ храму вся братія въ черныхъ клобукахъ, часами молилась, била поклоны, пѣла акафисты Богородицѣ.

Въ эти дни монастырь стоялъ пустой. Можно было заходить въ храмъ, любоваться старинными иконами, слушать разсказы о монастырскомъ прошломъ, объ удивительной исторіи печерскаго края. Монахи разсказали мнѣ, какъ во время оно приходили въ изборскую землю «ловцы звѣрей», какъ открыли они случайно «Богомъ Заданную пещеру», и какъ нѣкій монахъ Іона сталъ копать въ горѣ, къ западу отъ пещеры, церковь и двѣ келіи. А потомъ пришелъ къ отшельнику дьякъ Мисюръ Мунехинъ «и нача Мисюръ по обѣ стороны ручья горы копати, и церковь большую созидати и въ гору копаться далѣ и глыбже, и начаша монастырь строити въ подолѣ межъ горъ... бывши славенъ монастырь до моря Варяжскаго». А потомъ сорокъ лѣтъ трудился преподобный Корнилій надъ украшеніемъ и укрѣпленіемъ монастыря: зналъ онъ, что придется отстаивать обитель отъ безчисленныхъ враговъ земли русской —

нападутъ на монастырь ливонскіе рыцари, поляки, нѣмцы, Литва... Высокія стѣны и рвы спасли монастырь отъ «иноплеменника», но не предвидѣлъ преподобный своего собственнаго лютаго конца. Донесли Грозному на благочестиваго настоятеля, нашептали о готовившейся измѣнѣ. Пожаловалъ въ монастырь царь, пылавшій ненавистью и злобой. Встрѣтилъ его владыка крестнымъ ходомъ, но у воротъ монастырскихъ разгнѣванный Іоаннъ собственноручно умертвилъ преподобнаго. О страшномъ этомъ концѣ извѣстно изъ туманной лѣтописной записи старца Питирима: «Сей достоблаженный игуменъ Корнилій 1-ый поживе на игуменствѣ 41 годъ и 2 мѣсяца... и отъ тлѣннаго сего житія земнымъ царемъ предпосланъ къ Небесному Царю въ вѣчное жилище, въ лѣто 1570 февраля въ 20-ый день на 69 году отъ рожденія своего».

Ужаснувшись содѣяннаго, отнесъ Іоаннъ на рукахъ охладѣвающій трупъ въ храмъ Богородицы, а потомъ, въ знакъ своего раскаянія, пожаловалъ монастырю новые колокола, золото для ризъ, и щедро надѣлилъ обитель изъ царской казны.

— Хотите поглядѣть на дары Іоанна?

Я съ радостью принялъ предложеніе архидіакона Веніамина. Мы пошли къ ризницѣ, архидіаконъ на ходу позванивалъ огромной связкой ключей. Не легко проникнуть въ монастырскую сокровищницу. На огромномъ замкѣ съ секретомъ выбита надпись:

«Лѣта 7065 (1557) замышленіемъ раба Божія Алексѣя Дмитріева, сына Тверитина, положенъ замокъ Пречистой въ Печеры. Мастеръ Левуша».

За стѣнами ризницы, толщиной въ сажень, открылся сырой подвалъ. Здѣсь, въ стеклянныхъ витринахъ, лежали вещи необыкновенной красоты. Каждый предметъ имѣлъ свою исторію.

— Вотъ дары Іоанна Грознаго: золотая царская цѣпь, ножъ, вилка, ложка въ серебряной оправѣ. Труба военная, кошелекъ денежный, ковши серебряные... Много иного серебра оставилъ Грозный монастырю...

А рядомъ лежали царскіе перстни, серебряные кубки Ѳедора Іоанновича, плащаница, вышитая золотомъ — даръ Бориса Годунова, чаша водосвятная Михаила Ѳедоровича... Когда-то дѣлались въ монастырь цѣнные вклады не только золотомъ, серебромъ и иконами въ драгоцѣнныхъ ризахъ, но и угодьями, помѣстьями, цѣлыми деревнями. Теперь ничего этого нѣтъ, монастырь обнищалъ, отъ былого богатства осталась только ризница и ея музейныя сокровища.

Потомъ мы спустились въ пещеры, гдѣ испоконъ хоронятъ монахи своихъ покойниковъ. Здѣсь было темно, сыро, по стѣнамъ струилась вода, неровное пламя тоненькой восковой свѣчи бросало по сторонамъ страшныя, фантастическія тѣни. Стояла могильная тишина.

Проходили вѣка, люди умирали, ихъ съ пѣніемъ

сносили въ эти катакомбы и оставляли до скончанія вѣковъ, до трубнаго гласа... Мы склонялись къ чугуннымъ плитамъ и съ трудомъ расшифровывали заплѣснѣвшія надписи: «1654, Генваря 14 убіенъ бысть подъ Витебъскомъ Печерянинъ посадской человѣкъ Игнатей Дорофеевъ сынъ Себежнинъ на приступѣ».

«1650 іюня 12 при Державе Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Россіи Самодержца убіенъ бысть на ево Государевой службѣ подъ Псковомъ во Псковское смутное время въ воровскую въ Мироносицкую вылазку его Государевъ дворянинъ Іевъ Івановъ сынъ Ординъ Нащекинъ».

Въ зіяющемъ провалѣ одной пещеры лежали гробы, наваленные другъ на друга. Доски давно истлѣли, изъ гробовъ выпирали скелеты, одѣтые въ монашескія рясы, виднѣлись кости, страшные оскалы череповъ. У входа въ пещеру горѣли неугасимыя лампады; изрѣдка сюда приходили монахи и служили панихиды...

Мы уходили все дальше и дальше, и всюду смерть преслѣдовала насъ. Живые люди копали здѣсь свои могилы, и однажды, когда остановились мы передъ пустой могилой, ждущей еще своего жильца, я понялъ, что ее уготовилъ для себя мой спутникъ, тихій, кроткій отецъ Веніаминъ...

Когда мы вышли изъ подземелья, свѣтило яркое осеннее солнце. На Святой Горѣ щебетали птицы, чудесны были синіе купола собора, дышать было легко и радостно.

ПЕЧЕРСКАЯ ЯРМАРКА

Была ярмарка въ Печерахъ. Задолго до разсвѣта по ухабистымъ печерскимъ улицамъ тянулись возы, груженые всякой всячиной. Были здѣсь мѣшки съ хлѣбомъ, огурцами, картофелемъ, клѣтки съ поросятами и птицей. Въ пять часовъ утра на главной площади нельзя было протолкаться. Всюду сновалъ народъ, рядами стояли телѣги, крестьяне раскладывали свой несложный товаръ. Стоялъ надъ толпой нестройный гулъ голосовъ, смѣхъ, ругань. Между возами уже расхаживалъ городской сборщикъ и покрикивалъ:

— Эй, борода, давай сюда 75 марокъ за стоянку!..

Борода испуганно шарахалась въ сторону:

— Да что ты? Господь съ тобой! Дай хоть малость расторговаться. Хучь яичекъ десятокъ продамъ, тогда и заплачу, что слѣдуетъ.

— Смотри, въ тюрьмѣ мѣсто есть! По тебѣ плачется.

У слѣдующаго воза повторяется то же самое.

— Кто тутъ хозяинъ?

— Я, голубчикъ.

— Давай деньги за простой!

— Погодь малость. Ей Богу, нѣтъ. Акромя огурцовъ — ничего и нѣтъ.

— Врешь, знаю вашего брата...

— Да ты посмотри, голубчикъ!

Вытягиваетъ изъ голенища кожаный кошель. Дѣйствительно — нѣтъ ни гроша.

Солнце начинаетъ припекать, торговля оживляется.

— А почемъ, дядя, будутъ твои огурцы?

— 175 за сотню. Одинъ къ одному, красавчики.

— А курочки почемъ?

— 270 пара. (20 франковъ).

Баба съ ужасомъ пятится назадъ.

Рядомъ мужикъ съ бабой взволнованно торгуютъ пятнистаго поросенка. Двадцать разъ его тянутъ за лапы изъ ящика, щупаютъ, взвѣшиваютъ, и съ дѣланно равнодушнымъ видомъ бросаютъ обратно:

— Подкормить его требуется малость. Худой-то вѣдь, больно!

— Худой? За тыщу пятьсотъ худой?

— Бери тыщу триста. И то много.

— Тыща пятьсотъ много?..

— Бери деньги. Ей Богу, уйдемъ.

Баба тянетъ мужика; она знаетъ, что наступилъ

моментъ рѣшительнаго торга: надо уходить, сбивать цѣну...

— Брось ты, кучерявая голова!

— Не даешь?.. Ну, въ .....

Плюнули и ушли.

Торговка пряниками ходитъ въ толпѣ и покрикиваетъ:

— Кому прянички съ медкомъ? Бараночки удобныя, удобныя...

— А сдобныхъ нѣтъ, тетка?

Мужикъ берется за бока и долго хохочетъ своей остротѣ.

— Баранка пять марокъ, а ложка гривенникъ. Купи хоть ложку, гостинецъ домой повезешь, меньше денегъ пропьешь... Бараночекъ продаю, ложечекъ продаю...

Сколько празднаго люда шатается по базару! Да и какъ не походить, когда столько дивныхъ вещей понавезено. Тутъ и новые хомуты, и колеса, и дышла, и кадки, и широчайшія лоханки. Въ колоніальныхъ лавкахъ бойко торговали колбасой, желтыми и розовыми медовыми пряниками въ видѣ пѣтушковъ, лошадокъ, свиней. Здѣсь табунами ходили дѣвки, онѣ рылись въ ларькахъ съ галантерейнымъ товаромъ, примѣряли пунцовыя ленты, бусы, гребешки съ инкрустаціей, покупали кривыя зеркала. А немного подальше, мужики изо всѣхъ силъ натягивали новые узкіе сапоги, бѣшено торговались и уходили, ничего не купивъ. На самомъ концѣ ярмарки устрои-

лись торговцы ношенымъ платьемъ, народъ лукавый, жуликоватый. Покупатели глубокомысленно разсматривали потертые тулупы, дырявые штаны, ковыряли въ заплатахъ и ехидно говорили:

— Задница дырявая... Больше ста марокъ не выйдетъ.

Черноволосый цыганъ торговалъ у мужика телячью кожу, обливался потомъ, крестился, билъ по рукамъ и уговаривалъ рыдающимъ голосомъ:

— Бери 1150! Передержалъ кожу. Скоро совсѣмъ товаръ пропадетъ. Пропадетъ товаръ задаромъ, накажи меня Богъ!

— Давай двѣ тыщи, цыганъ!

— Тебѣ нельзя дать двѣ тыщи. Тебѣ можно дать 1150.

— Омманываешь меня, цыганъ!..

Въ концѣ концовъ сторговались, и пошли вмѣстѣ чай пить...

Кто могъ бы подумать, что въ Печерахъ существуетъ трактиръ съ монмартрскимъ названіемъ «Черная Кошка»? По случаю ярмарки здѣсь было полно, во всѣхъ комнатахъ стоялъ махорочный дымъ, пахло пивомъ, водкой. Къ двумъ часамъ базаръ кончился; расторговавшіеся мужики двинулись сюда пропивать деньги. Эстонская водка славится своимъ вкусомъ и крѣпостью на всю Прибалтику, а тутъ ее еще смѣшивали съ пивомъ... Бородачи пили «ерша», развалившись за столами, а сбоку покорно стояли бабы, для которыхъ не нашлось мѣста.

Росла батарея бутылокъ, лица пьющихъ становились безсмысленными, красными. А бойкій половой метался между столиками, приносилъ новые графинчики, съ трескомъ откупоривалъ бутылки, принималъ заказы.

— Два чаю и графинчикъ за сто! На закуску супное мясо съ огурцомъ.

— Господинъ, свою водку приносить не полагается! Хозяинъ отпускаетъ. Очищенная, первый сортъ!..

Въ сосѣдней билліардной цокали шары, загоняемые въ лузы. Четверо мастеровыхъ въ заломленныхъ на затылки картузахъ ходили вокругъ билліарда, нацѣливались, коротко ударяли кіями. Послѣ каждаго удачнаго удара, мужики, почтительно слѣдившіе за игроками, крякали, съ удовольствіемъ крыли матомъ, или же поощряли мастеровыхъ:

— Не робѣй, ярусалимскій гражданинъ... Тебѣ три шара осталось додѣлать.

«Ярусалимскій гражданинъ» прищуривалъ глазъ, ложился на билліардъ, и загонялъ шары въ лузу.

— Ишь ты, удачливый!..

Въ уголку цыганка приставала къ пьяной бабѣ:

— Ну, выдерни... Послухай, ну, выдерни карточку... Я тебѣ все разскажу, бабочка. Тебѣ скоро слезы будутъ, непріятность великая... Ну, выдерни.

— Катись, стерва, подальше. Будетъ тебѣ брехать. О прошлый годъ ты мнѣ радость нагадала, а подъ самое Рождество мужикъ мой хату запалилъ...

— То другая цыганка была... Ну, выдерни...

*
**

Къ столику моему подсѣлъ человѣкъ въ вышитой косовороткѣ, съ рыжей окладистой бородой.

— Я извиняюсь, господинъ. Мѣстовъ другихъ нѣту.

Съѣлъ солянку, но, къ моему удивленію, отъ водки наотрѣзъ отказался.

— Я извиняюсь, теперь уже который годъ хмельного въ ротъ не принимаю. И потому я, можетъ, въ мои 58 лѣтъ выгляжу мужчиной въ полномъ расцвѣтѣ силъ и молодости. Надо вамъ сказать, что и въ бытность мою на государственной службѣ хмельного не потреблялъ. 35 лѣтъ, выходитъ, какъ трезвенничаю.

— А на какой вы государственной службѣ были?

— Городовымъ-съ... Перваго участка города Риги. Въ отставку вышелъ по слабости здоровья. Но и тогда уже работы интересной не было. Народъ сильно измельчалъ. И, напримѣръ, такого человѣка, какъ Митька Скобелевъ, больше Рига не увидитъ. Про Митьку Скобелева вы, можетъ, и не слышали?

А былъ онъ просто бандитомъ, Митька Скобелевъ, но крови проливать не любилъ. Это никогда. Работалъ больше по банковской части. Зайдетъ въ банкъ и смотритъ, кто сколько денегъ получаетъ. Ну, скажемъ, беретъ купецъ 10.000 рублей — большая по тѣмъ временамъ была сумма. Идетъ купецъ по улицѣ, о своихъ разныхъ дѣлахъ думаетъ, и не замѣчаетъ, какъ подходитъ до него человѣкъ и тихонько беретъ его за грудки: «Отдай, говоритъ, ку-

пецъ, деньги, коли тебѣ жизнь дорога. Я, говоритъ, никто иной, какъ Митька Скобелевъ». Ну, купецъ знаетъ, отъ Митьки ему сопротивляться не слѣдуетъ. И даетъ. Даже караулъ не кричитъ, потому городовые всѣ Митьку въ лицо знали и, когда его видѣли, за углы хоронились... Разъ погнались, было, за нимъ. Добѣжалъ онъ до Двины и — бухъ въ воду. Городовые туда-сюда, моста нѣтъ, въ воду идти при полномъ вооруженіи нѣтъ охоты. Начали стрѣлять. А Митька Скобелевъ нырнетъ, воздуху наберетъ, и дальше нырнетъ... Такъ добрался до другого берега и въ лѣсъ ушелъ.

Однако, рѣшили съ тѣмъ разбойникомъ покончить — только взять его было трудно. Силища страшная. Стало полиціи извѣстно, что Митька каждый вечеръ пьяный напивается и въ лѣсу со своей дѣвкой ночуетъ. Окружили тотъ лѣсъ, было насъ человѣкъ 50, и, дѣйствительно, заарестовали Митьку, скрутили руки канатомъ и повезли... Потомъ его осудили на безсрочную. Въ Сибирь отправили.

Митька, однако, въ скорости бѣжалъ. И появляется онъ опять въ Ригѣ, только бороду большую отпустилъ, думаетъ — не узнаютъ. Но былъ у насъ одинъ старый городовой, — онъ того Митьку сразу узналъ. Хватаетъ онъ его деликатно за ручку и тихо ему говоритъ: «Митька, сукинъ сынъ, старый знакомый, ты, значитъ, убѣгъ!». Посмотрѣлъ на него Митька, взялъ осторожно за голову и стукнулъ той головой по забору... Потомъ побѣжалъ, и съ тѣхъ поръ не показывался въ нашихъ краяхъ; говорятъ,

на Волгу перебрался, пароходы чистить... Вотъ, какіе люди бывали въ старину...

Допилъ чай, перекрестился на образъ, и ушелъ.

Дверь съ визгомъ распахивалась, входили русскія бабы или полувѣрки, — онѣ искали мужей, пропивавшихъ въ одномъ изъ безчисленныхъ печерскихъ трактировъ проданные яблоки, медъ и огурцы. Бабы ходили между столиками, мужики хватали ихъ за руки, кричали непристойности, предлагали водку, и женщины испуганно уходили къ слѣдующему кабаку, въ другую чайную...

— Мужей ищете, красавицы? Въ канавку загляните...

— Робята, пойдемъ сниматься! Манька, пойдемъ сниматься до Шмулевича. Еще пару пива, и пойдемъ сниматься!..

— Ну, пойдемте, что ли... Допивайте, хватитъ вамъ!..

Базаръ кончался, мужики разъѣзжались по деревнямъ, дико кричали, хлестали худыхъ, низкорослыхъ лошадей... Каждая телѣга оставляла за собой груду навоза, сѣна; надъ площадью стоялъ ужасный запахъ конской мочи и человѣческой блевотины. Посреди навозныхъ кучъ ходили пьяные мужики, обнимали другъ друга, горько плакали, орали пѣсни, пока не сваливались посреди дороги и не засыпали сномъ праведниковъ. А пугливыя староверки въ бѣлоснѣжныхъ полотняныхъ кафтанахъ метались по улицамъ пьянаго городка и разыскивали своихъ пьяныхъ мужей, братьевъ и отцовъ.

ВЪ ДРЕВНЕМЪ ИЗБОРСКѢ

Помню, въ гимназіи, на урокѣ русской исторіи, заучивали мы начальныя строки лѣтописи: «Земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ... И пришли три брата. Старшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другой Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ...».

И вотъ теперь, много лѣтъ спустя, ѣду въ этотъ Изборскъ, въ которомъ сидѣлъ таинственный Труворъ. Вокругъ, насколько хватаетъ глазъ, — лѣса, холмы, озера. По этимъ холмамъ двигались нѣкогда варяги, вызванные изъ за моря. Тогда вокругъ были дремучіе лѣса, кишѣвшіе дикимъ звѣрьемъ, а на большихъ дорогахъ хозяйничали лихіе люди, разбойники и воры. Прошли столѣтія, сильно обезлѣсили край, на мѣстѣ дремучаго бора теперь колосится высокая пшеница, въ поляхъ съ утра до ночи мирно работаютъ русскіе крестьяне. Россія здѣсь чувствуется во всемъ, она совсѣмъ близка. Вотъ, на дорогѣ, покосившійся полосатый столбъ, а на немъ дощечка: «Псковъ — 18 верстъ». Если пустить машину полнымъ ходомъ, черезъ 20 минутъ можно по-

пасть въ древнѣйшій русскій городъ... Только въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, поперекъ дороги, протянута колючая проволока. Все предусмотрѣно, все сдѣлано, —

«Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова»...

Крѣпко охраняется совѣтская граница... Впрочемъ, на этотъ разъ мы не собираемся ее осматривать. За крутымъ поворотомъ вдругъ открывается древній Изборскъ; внизу потемнѣвшіе срубы деревянныхъ избъ, церковь съ ослѣпительной звонницей, а на горѣ Жеравіи, за высокими каменными стѣнами и башнями — старинная русская крѣпость.

На зарѣ русской исторіи, у береговъ Чудского озера осѣли кривичи. Неизвѣстно, нашли ли кривичи уже готовый городъ, или они то и построили Словенскъ, впослѣдствіи переименованный въ Изборскъ. Псковскій лѣтописецъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, и кратко замѣчаетъ: «Отъ бытописанія не обрѣтается воспомянуто, отъ кого созданъ бысть (градъ) и которыми людьми, токмо увѣдехомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ съ братіею изъ Варягъ въ Словене княжити».

Долгую, тысячелѣтнюю жизнь прожилъ Из-

борскъ. Знатокъ и хранитель мѣстной старины, А. И. Макаровскій разсказывалъ мнѣ во время прогулки вокругъ крѣпостныхъ стѣнъ, исторію городка:

— Былъ Изборскъ сторожевымъ постомъ на приступахъ ко Пскову. Имѣются лишь двѣ лѣтописныя записи о томъ, какъ враги на короткое время обманнымъ путемъ захватили Изборскъ. Но обычно крѣпость была твердыней, о которую разбивались вражескія рати.

Больше всѣхъ нападали на Изборскъ нѣмцы, этотъ упорный, неослабѣвающій врагъ всего славянства. Борьбу съ нѣмцами Изборскъ понималъ, какъ защиту своей славянской, русской культуры, какъ оборону православной вѣры противъ католичества. И до сихъ поръ, въ башняхъ, съ той стороны, откуда обычно приходили нѣмцы, есть каменные, православные кресты, грозившіе супостату. Сколько разъ врагъ подходилъ къ крѣпости «въ силѣ тяжце, безъ Бога»! Десятки разъ осаждали Изборскъ ливонскіе рыцари. Сжигали посады, угоняли скотъ, брали въ плѣнъ посадскихъ людей, не успѣвшихъ укрыться за крѣпостными стѣнами. Потомъ начиналась регулярная осада, иногда длившаяся цѣлыя недѣли. Рыцари отводили воду, защитники крѣпости невыносимо страдали отъ голода и жажды. Но отбивали они всѣ приступы непріятеля, сами устраивали вылазки. Много ратныхъ людей полегло тогда на сосѣднемъ словенецкомъ полѣ. Сотни лѣтъ спустя находили здѣсь наконечники стрѣлъ, копій, ржавыя кольчуги и побѣлѣвшія кости...

«Зѣло притужно» пришлось изборянамъ въ ли-

вонскую войну. Посады были выжжены, скотъ перебитъ, поля вытоптаны. Въ довершеніе бѣды, обманнымъ путемъ, прикинувшись царскими опричниками, взяли литовцы Изобрскъ, и псковскому князю Юрію пришлось отбивать его у врага. А потомъ началось смутное время, изъ края въ край всколыхнулась русская земля. Здѣсь, въ маленькомъ Изборскѣ, тоже бушевали великія страсти. Цѣловали крестъ самозванцу и вору, пробиравшемуся въ Псковъ «сквозь нѣмецъ». Началась страшная междоусобица. Малый человѣкъ Федоръ Плещеевъ поднималъ изборянъ противъ псковичей. И бились изборскіе ратные люди подъ Псковомъ «боемъ великимъ». Приходилъ потомъ панъ Лисовскій подъ Печеры и Изборскъ, творилъ «многія пакости», отдавалъ своимъ воинамъ цѣлыя области на потокъ и разграбленіе. Въ тѣ страшныя времена въ городѣ Изборскѣ случилось чудо; открыта была Корсунская икона Божіей Матери, струились слезы по лику Богородицы...

Мы идемъ вдоль крѣпостного вала, останавливаемся у башенъ, глядимъ въ бойницы. Торопливо убѣгаютъ ящерицы, грѣющіяся на солнцѣ, иногда со стѣны срывается камень и летитъ въ глубокій ровъ, заросшій сорной травой... Макаровскій показываетъ, гдѣ начинался подземный ходъ, по которому осажденные ходили къ ручью, по воду, откуда шли на вылазки...

Потомъ автомобиль везетъ насъ къ древнему

городищу. При видѣ несущагося чудовища, бросаются въ сторону крестьянскія лошади, встаютъ на дыбы, и потомъ мчатся цѣлую версту, обезумѣвъ отъ страха. Не часто проѣзжаютъ здѣсь автомобили.

Вотъ и городище, на вершинѣ котораго — могила Трувора. Это огромная плита и тяжелый каменный крестъ. На плитѣ загадочная фигура: два четыреугольника. Быть можетъ, это знакъ каменщика, а, можетъ быть, и планъ какого-то лабиринта. Конечно, не язычникъ Труворъ лежитъ подъ этимъ крестомъ. Много лѣтъ тому назадъ пріѣзжала въ Изборскъ научная экспедиція. Были произведены раскопки. Вскрыли и «труворову могилу». Въ ней обнаружили скелетъ покойника-христіанина, эпохи, позднѣйшей пришествія варяговъ на Русь. Вѣроятнѣе всего, подъ монументальной плитой покоится прахъ какого-нибудь князя, или намѣстника Изборскаго.

Давно уже Городище обратилось въ сельское кладбище. Всюду покосившіеся кресты, — безымянныя могилы, заросшія травой и кустарникомъ. Изъ за одной могилки выползла древняя старуха, закашлялась, протянула руку за подаяніемъ:

— Спаси васъ Господи, господа хорошіе... Пошли вамъ здоровья и удачи и большіе милліоны... Дайте копѣечку убогой!..

Долго бродили по кладбищу. Нашли заброшенную церковку. Она стояла пустая, ободранная, съ заколоченными окнами; въ углу паукъ мирно раскидывалъ свою тончайшую сѣть. Когда-то былъ похороненъ въ церкви нѣкій помѣщикъ Безлелій, скончавшійся въ 1817 году. Неутѣшная вдова его воздвигла

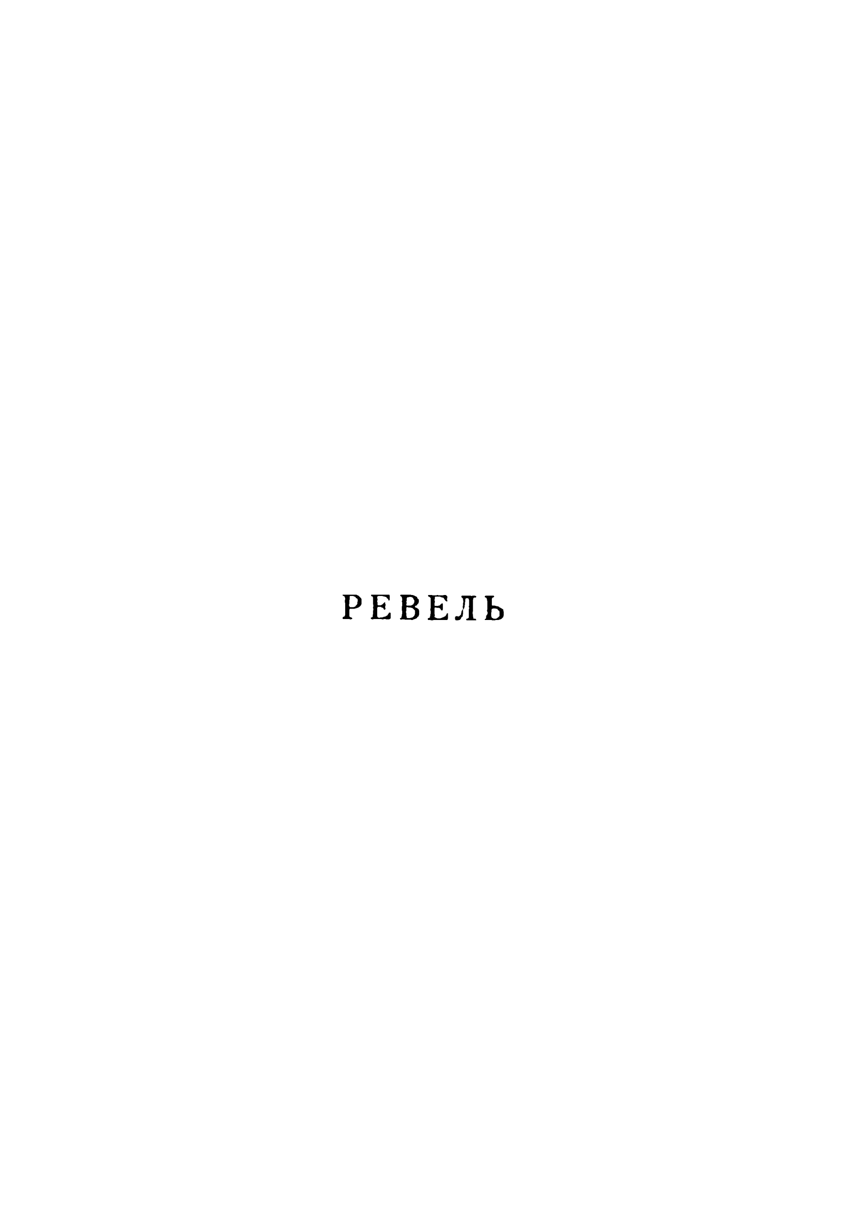
мраморную доску съ длинной надписью, но Макаровскій запомнилъ только одну фразу: «... И сномъ плѣнительнымъ казалися семь лѣтъ въ объятіяхъ твоихъ...». Бѣдный помѣщикъ Безлелій — даже ему отомстили большевики, разбили и куда-то выбросили «несозвучную эпохѣ» плиту съ трогательной надписью...

***

А поднявшись на развалины, что позади Труворовой могилы, увидѣли мы Россію. Желтѣли нивы, синѣлъ вдали лѣсъ, у ногъ нашихъ рябилось городищенское озеро, — широко раскинулась великая варяжская земля. Холмы прятали отъ насъ берега совсѣмъ близкаго Чудского озера, туманъ скрывалъ горизонтъ. Но потомъ разорвалась легкая туманная завѣса и, какъ далекій призрачный миражъ, какъ невидимый градъ Китежъ, сталъ подниматься вдали Псковъ. Сначала обрисовалась высокая колокольня съ зеленой крышей, потомъ бѣлоснѣжный Троицкій соборъ, потомъ еще одна церковь. Съ каждой минутой туманъ разсѣивался; появилось длинное зданіе — Омскія казармы, какія-то другія строенія, дымы фабричныхъ трубъ...

Рядомъ со мной, на крѣпостной стѣнѣ, стояла пожилая, усталая женщина. Она пріѣхала въ печерскій монастырь на богомолье, случайно попала въ Изборскъ, случайно увидѣла призракъ Россіи. Смотрѣла долго, и тихо, беззвучно плакала...

Потомъ мы возвращались въ монастырь. Всю дорогу, справа отъ насъ, маячила высокая бѣлая колокольня. Тамъ былъ Псковъ, была Россія...

РЕВЕЛЬ

Въ ревельскомъ поѣздѣ встрѣтилъ я знакомыхъ мѣстныхъ жителей и разговорился съ ними о положеніи русскаго меньшинства въ Эстоніи. Картина мрачная: бѣднота, безработица, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Въ матеріальномъ отношеніи русскимъ въ Эстоніи живется хуже, нежели въ Латвіи.

Особенно туго приходится крестьянамъ. Во время войны и революціи много деревень выжгли; ихъ до сихъ поръ не отстроили. Населеніе густое, а земли не хватаетъ. Общая бѣда: чрезполосица. Крестьянскія семьи быстро увеличиваются, а земли все столько же, и приходится безконечно дробить ее при выдѣлахъ.

Печерскій край, берега Чудоского озера и Нарва — мѣста особеннаго русскаго скопленія. Нищета пришла сюда по пятамъ за русскими, забралась въ крестьянскія избы, въ рыбачьи деревушки. У Чудского озера пять послѣднихъ лѣтъ наблюдаются сильныя наводненія. Причина проста: въ бассейнѣ озера вырубили лѣса, таянье снѣга теперь проходитъ бурно, вешнія воды сбѣгаютъ въ озеро и, не

умѣщаясь въ немъ, затопляютъ луга и прибрежныя села.

Рыбный промыселъ убитъ, и рыбаки просто голодаютъ. Водится въ Чудскомъ озерѣ рыбешка, когда-то знаменитый по всей Россіи «снитокъ», — безъ него не было русской масленицы. Раньше его солили, сушили, и сотни тысячъ пудовъ шли черезъ Псковъ въ Россію. Теперь рыбу некуда дѣвать, — для Эстоніи уловъ слишкомъ великъ, да и «снитокъ» здѣсь не въ особенномъ почетѣ. Пробовали кормить имъ солдатъ — армія чуть не взбунтовалась. Единственный вѣрный потребитель снитка — арестанты, да несчастные русскіе рыбаки, которымъ иначе пришлось бы умереть съ голоду.

Эстонцы въ этомъ, конечно, мало повинны, но есть вещи, противъ которыхъ надо протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Русское населеніе Нарвы существовало, главнымъ образомъ, заработками на лѣсопильныхъ заводахъ и текстильныхъ фабрикахъ. Когда началась безработица, русскихъ, пользующихся одинаковыми съ мѣстнымъ населеніемъ правами, стали увольнять. Въ первую очередь, разсчитывали бѣженцевъ и эмигрантовъ, пришедшихъ изъ совѣтской Псковщины. Обездоленные люди мечтаютъ:

— Бѣжать, куда угодно, только бы спастись отъ надвигающейся безработицы!

Въ эмигратскій комитетъ, возглавляемый перводумцемъ Н. А. Колпаковымъ, посыпались просьбы о помощи. Открыли запись для желающихъ ѣхать во Францію на сельско-хозяйственныя работы. Въ

короткое время записалось полторы тысячи человѣкъ. Больше тысячи уже уѣхали. На юго-западѣ Франціи я видѣлъ первыхъ бѣженцевъ изъ Нарвы. Они бросили насиженныя мѣста, дома, распродали жалкій скарбъ, надѣлали долговъ, и уѣхали за тысячи верстъ — искать счастья. Не легко, въ особенности на первыхъ порахъ, живется русскимъ, «сѣвшимъ на землю». Но есть свой кусокъ хлѣба, есть надежда, и они счастливы.

— Во многомъ виноваты сами русскіе. На сто тысячъ русскаго населенія за меньшинственный списокъ было подано всего 12.897 голосовъ. Въ результатѣ, въ Государственномъ Собраніи только 2 русскихъ депутата, вмѣсто 9-ти.

Въ чемъ же дѣло? Десятки людей отвѣчали мнѣ одно и то же:

— Не спѣлись. Живемъ вразбродъ. Разныя партіи, теченія, а, главное — нѣтъ авторитетныхъ людей, которые могли бы объединить вокругъ себя.

Результаты этой апатіи уже сказываются. Русское меньшинство, пользующееся всѣми правами, начинаютъ третировать, какъ бѣдныхъ, нежелательныхъ родственниковъ.

Первое впечатлѣніе, когда подъѣзжаешь къ Ревелю: Вышгородъ. Старинная крѣпость на горѣ, острые шпицы башенъ и огромные, сіяющіе тусклой позолотой, купола Александро-Невскаго собора.

Соборъ этотъ въ послѣднее время много заставилъ говорить о себѣ. Ровно годъ тому назадъ въ

Государственное Собраніе внесенъ былъ законопроектъ о сносѣ ужаснаго «наслѣдія русскаго режима». Вокругъ законопроекта создалось трогательное національное единеніе: его подписалъ трудовикъ, членъ демократической партіи, представитель новопоселенцевъ, — словомъ, вся правительственная коалиція. Мотивъ — соборъ мѣшаетъ правильной распланировкѣ Вышгорода, гдѣ расположены всѣ правительственныя учрежденія. Кромѣ того, онъ нарушаетъ «эстонскій стиль» города.

Цѣлый день я ходилъ по городу, разыскивая эстонскій стиль. Узкія лѣстницы привели меня на площадь, гдѣ проживаетъ глава государства. Должно быть, живетъ онъ въ бывшемъ губернаторскомъ домѣ «гражданской архитектуры» 19-го вѣка, съ бѣлыми колонками. Въ такихъ же самыхъ двухэтажныхъ домахъ помѣщаются министерства. Это — еще столица. А за столицей сразу начинается тишайшая провинція: извилистыя улицы, вымощенныя грубымъ булыжникомъ, дома какихъ-то странныхъ цвѣтовъ — желтые, розовые, свѣтло-коричневые, — по затѣйливому вкусу ревельскихъ штукатуровъ. Голуби спокойно разгуливаютъ по мостовой, въ подворотняхъ хрипло лаютъ цѣпныя собаки, бабы моютъ окна, выплескиваютъ грязную воду прямо на мостовую.

Эстонскаго стиля я не обнаружилъ. Но исторія съ соборомъ не кончилась на нелѣпомъ законопроектѣ. Были проповѣди священниковъ, рѣчь епископа Іоанна. Прокуратура начало дѣло о «возбужденіи народныхъ массъ»... Пока что — соборъ стоитъ на мѣстѣ, и въ немъ исправно отправляются всѣ службы.

*
**

Сидѣлъ я на маленькой площади, позади нѣмецкой кирхи. Было раннее утро; въ бѣломъ домикѣ съ занавѣсочками на окнахъ уже проснулись. Чьи-то неумѣлыя руки разыгрывали на піанино безконечные экзерсисы.

Мимо меня шли гимназисты съ ранцами за плечами — такихъ ранцевъ я не видѣлъ уже восемь лѣтъ, со времени отъѣзда изъ Россіи. Часовъ въ девять мимо неторопливо потянулись чиновники. И въ нихъ было что-то отъ стараго, русскаго духа. Я долго старался угадать, что именно? И вдругъ понялъ: въ рукахъ рѣшительно у всѣхъ были важные портфели, набитые бумагами. Въ Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ живутъ сотни тысячъ чиновниковъ, и ни у одного изъ нихъ нѣтъ портфеля, набитаго бумагами... Это было пріятно...

Потомъ я бродилъ по городу, отыскивая слѣды Россіи. Ихъ было мало, гораздо меньше, чѣмъ въ Ригѣ. Не видно русскихъ вывѣсокъ, не слышно русской рѣчи. Что-то отъ нѣмецкаго городка, чистаго, дѣлового, работящаго.

Былъ когда-то въ городѣ памятникъ Петру Великому; его убрали послѣ революціи, — это было тоже «наслѣдіе царизма». Захотѣлось узнать, что стало съ злополучнымъ памятникомъ. Мѣстный старожилъ сказалъ мнѣ, что его перевезли въ домикъ Петра, что въ Екатеринентальскомъ паркѣ.

Паркъ оказался чудеснымъ, большимъ и совсѣмъ пустыннымъ. Въ самомъ концѣ его нашелъ я

домикъ царственнаго плотника. Домикъ маленькій, покосившійся, въ два этажа. За дверью, покрытый густымъ слоемъ пыли, покоился бюстъ императора всероссійскаго. Въ спальнѣ стояла еще широчайшая кровать подъ балдахиномъ. Зеленый, истлѣвшій отъ времени шелкъ висѣлъ лоскутьями. У кровати туфли, въ углу высокіе часы, выписанные изъ Лондона, да письменный столъ съ множествомъ ящичковъ и отдѣленій. За столомъ этимъ часами работалъ Петръ. Изъ мебели сохранились еще нѣсколько крѣпкихъ дубовыхъ креселъ. Это все, если не считать гипсоваго Посейдона, неизвѣстно какъ и зачѣмъ сюда попавшаго.

Сторожъ обрадовался посѣтителю. Онъ повелъ меня и во второй этажъ, показать царскую столовую на двѣнадцать персонъ. Потолокъ въ столовой такой низкій, что гигантъ Петръ, должно быть, касался его головой. Я спросилъ, долго ли здѣсь жилъ царь, но сторожъ ничего не зналъ... Съ трудомъ, подбирая русскія слова, онъ сказалъ мнѣ, что это было давно — такъ давно, что и дѣдъ его, вѣрно, ничего не зналъ о Петрѣ. . .

Я ушелъ изъ заброшеннаго домика, бродилъ по осеннему парку, и потомъ случайно вышелъ на набережную. Дулъ свѣжій вѣтеръ, былъ штормъ, бѣлые гребни волнъ разбивались о подводныя скалы. Въ такой же осенній день, 7-го сентября 1893-го года, гдѣ-то въ морѣ, можетъ быть, у этихъ же самыхъ скалъ, разбился броненосецъ «Русалка». Стоитъ надъ взморьемъ темноликій ангелъ, благословляетъ

крестомъ пучину, въ которой погибли русскіе моряки. Надпись на цоколѣ почти вывѣтрилась, съ трудомъ можно разобрать отдѣльныя слова: «Сооруженъ въ благополучное царствованіе Государя Императора Николая II... На броненосцѣ находились... Всего офицеровъ 12. Нижнихъ чиновъ 165 человѣкъ». А вокругъ, на чугунныхъ доскахъ, имена погибшихъ: боцманъ Иванъ Оленинъ... Барабанщикъ Романъ Петруновъ...

Съ ночнымъ поѣздомъ я уѣхалъ въ Парижъ. Въ вагонѣ было тепло, фонарь за синей занавѣской не мѣшалъ думать. Вспомнилъ вывѣски Московскаго Форштадта, бородатыхъ старообрядцевъ Гребенщиковской Общины, мужиковъ изъ латгальскихъ деревень. Потомъ мелькнула голова совѣтскаго пограничника, узкая полоска русской земли; загудѣли колокола печерскаго монастыря, выросли стѣны древняго Изборска, выплылъ изъ тумана далекій Псковъ...

На разсвѣтѣ проснулся. Поѣздъ стоялъ на пограничномъ полустанкѣ. Въ окно врывался удивительно знакомый, старый русскій маршъ «Прощай». Военный оркестръ игралъ его безъ устали, безъ перерыва: трубы надрывали душу; солдаты въ зеленыхъ шинеляхъ кричали «ура» и качали офицеровъ, куда-то уѣзжавшихъ... Душнымъ августомъ 1914-го года по всей Россіи гремѣлъ этотъ самый маршъ, люди въ сѣрыхъ шинеляхъ кричали ура, качали кого-то, и потомъ безконечные эшелоны уходили навстрѣчу смерти...

Поѣздъ тронулся. На солнцѣ сіяли трубы, маршъ становился все тише и тише. Черезъ минуту, стукъ колесъ совсѣмъ заглушилъ его. Это было послѣднее, что я видѣлъ и слышалъ тамъ, гдѣ была Россія...

Августъ — сентябрь 1929 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БЕЛЛЕТРИСТИКА

	Долл.
БАБЕЛЬ. — «Исторія моей голубятни». Разсказъ.	0.20
БУРЖЕ. — «Преступленіе». Романъ. 17 иллюстрацій художника Стараса. 100 стр.	0.40
ВЕЙМАРНЪ. — «Большія дороги». Романъ	1.00
ВЕЙМАРНЪ. — «Корнетъ Корсаковъ». Романъ.	1.50
ГАЗДАНОВЪ. — «Вечеръ у Клэръ». Романъ.	0.80
ГРЕБЕНЩИКОВЪ. — «Родникъ въ пустынѣ» и другіе разсказы. 150 стр.	0.75
ГРЕБЕНЩИКОВЪ. — «Въ просторахъ Сибири». Сибирскіе разсказы. Около 150 стр.	0.75
ГРЕБЕНЩИКОВЪ. — «Въ нѣкоторомъ царствѣ». Разсказы. 105 стр. Миніат. библ.	0.10
ДОНЪ АМИНАДО. — «Наша маленькая жизнь». Юмор. разсказы. Около 200 стр.	0.60
ЖИПЪ. — «Романъ Котика». 45 иллюстріцій художника Рене Венсена. 100 стр.	0.40
ЗЕНЗИНОВЪ. — «Желѣзный скрежетъ». Изъ американскихъ впечатлѣній. 270 стр.	0.75
ЗОЛЯ. — «Избранные разсказы». 42 иллюстр. художника Ж. Вилла. 100 стр.	0.40
ЗОЩЕНКО. — «Уважаемые Граждане». Юмористическіе разсказы. 127 стр.	0.60

Долл.

ЗОЩЕНКО. — «Веселые разсказы». 40 стр.	**0.20**
ЗОЩЕНКО. — «Нервные люди». Юмористическіе разсказы. Около 40 стр.	**0.20**
КАТАЕВЪ. — «Растратчики». Повѣсть изъ современной жизни Россіи. 150 стр.	**0.60**
КОМАРОВЪ. — «Вѣчный танецъ». Романъ (въ печати).	
КРЕСТОВСКАЯ. — «Опустошенные». Романъ изъ эмигрантской жизни. Около 110 стр.	**0.50**
ЛАВРЕНЕВЪ. — «Сорокъ первый». Повѣсть.	**0.30**
ЛАЗАРЕВСКІЙ. — «Птицы ночные». Разсказы. 72 стр. Миніатюрн. библ.	**0.10**
МАРКЪ Г. — «Записки Буржуя». Около 70 стр.	**0.20**
МАРКЪ Г. «Бездомные».	0.20
МАРКЕЛОВЪ. — «На берегу Москва-рѣки». Воспоминанія изъ семейной хроники. 150 стр.	**0.70**
МЕРИМЭ. — «Графиня Діана». Историческій романъ. 36 иллюстрацій художника Тудуза.	**0.40**
МИЛИНЪ. — «Соль земли». Романъ изъ бѣженской жизни. 200 стр.	**0.90**
МИРБО. — «Аббатъ Жюль». Повѣсть. 45 иллюстрацій. художника Э. Поля. 100 стр.	**0.40**
НАГРОДСКАЯ. — «Записки Романа Васильева». Романъ. 210 стр.	**0.60**
НАЖИВИНЪ. — «Осени поздней цвѣты запоздалые». Романъ. 62 стр. Миніат. библ.	**0.10**
ОГНЕВЪ. — Дневникъ Кости Рябцева». Изъ жизни совѣтской школы 2-ой ступени.	**0.75**
ОСТРОВСКІЙ. — «Бѣдность не порокъ». 144 стр. Миніат. библіотека	**0.25**
ОСТРОВСКІЙ. — «Гроза». 176 стр. Миніат. библ.	**0.25**
ПРЕВО. — «Около любви». 16 мелкихъ разсказовъ. 54 иллюстрац. художника Форе, Кузена. 100 стр.	**0.40**
ПТАШКИНА НЕЛЛИ. — «Дневникъ».	**0.40**

Долл.

РОДЪ. — «Мишель Тесье». Романъ. 63 иллюстр.	0.40
РИШПЕНЪ. — «Тина». Романъ. 61 иллюстр. по акварелямъ художника Деруссо.	0.40
РОПШИНЪ (Б. Савинковъ). — «Конь Блѣдный». Повѣсть изъ жизни революціонеровъ.	0.35
СЕЙФУЛЛИНА. — «Линюхина Степанида».	0.14
СОКОЛОВЪ. — «Преступленіе доктора Гарина». Разсказы.	0.60
СОКОЛОВЪ. — «На поворотѣ». Разсказы.	0.50
ТУТКОВСКІЙ. — «Когда на Монмартрѣ потухнутъ огни». Романъ (въ печати).	
ФЕЛЬЗЕНЪ. — «Обманъ». Романъ (въ печати).	
ЮШКЕВИЧЪ. — «Вышла изъ круга». 2 тома. Около 200 страницъ. Миніат. библіотека.	0.25

На складѣ всегда большой выборъ:

Русскихъ и иностранныхъ **классиковъ** въ довоенныхъ изданіяхъ Глазунова, Маркса, Брокгауза и Ефрона, Вольфа и др.

Сочиненія по **исторіи литературы:** Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Полевого и др.

Мемуарной, политической и экономической литературы зарубежныхъ и совѣтскихъ изданій. Всѣ періодическія изданія — зарубежныя и совѣтскія. Справочники.

IMPRIMERIE DE LA SOCIÉTÉ NOUVELLE D'EDITIONS FRANCO-SLAVES, 32, RUE DE — MENILMONTANT, PARIS 20°. —